

АЛЕКС РУДИН

ТАЙНОВИДЕЦ

ТОМ 11: СЛЕД МЕРТВЕЦА

Тайновидец

Алекс Рудин

**Тайновидец. Том
11: След мертвеца**

«Автор»

2026

Рудин А.

Тайновидец. Том 11: След мертвеца / А. Рудин — «Автор»,
2026 — (Тайновидец)

В каждом томе — новая магическая история! Молодому графу Александру Воронцову выпал уникальный магический Путь. Он стал Тайновидцем. Теперь его призвание — магические тайны, интриги, загадки и преступления. Раскрывая их, Воронцов может развивать свой магический дар. По законам Империи Александр не является наследником главы рода. Он — младший внук. На его плечах не лежит ответственность за род. Зато он может наслаждаться другим сокровищем — свободой. Александр селится в старом особняке на Каменном острове. Заглядывает по утрам в кофейню, где варит кофе тысячелетний джинн. Дружит с хранителем Незримой библиотеки. Гуляет по волшебным кварталам Столицы, где за каждым углом творится магия. Александр молод, умен и решителен. Глава рода Воронцовых прислушивается к его советам. А есть и другие влиятельные семейства. Иногда они попадают в трудные ситуации, выпутаться из которых можно только с помощью Тайновидца.

© Рудин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алекс Рудин

Тайновидец. Том 11: След мертвеца

Глава 1

– Хорошо-то как!

Я с удовольствием вдохнул морозный воздух. Прищурился с балкона на ослепительно-белый снег, которым засыпало парк Каменного острова. И сделал еще один глоток горячего кофе.

– Просто замечательно.

Легкий предновогодний морозец покалывал нос и щеки. Он заставлял ежиться под теплым пледом, который я набросил себе на плечи прямо поверх рубашки.

– Ширк! – донесся на меня неприятный скрежещущий звук. – Ширк!

Звук шел из кухни.

Я поежился, допил кофе и вернулся в дом. На кухне Игнат сосредоточенно водил точильным камнем по лезвию плотницкого топора.

– Ты дровишек решил наколоть? – пошутил я.

– Дровишки, ваше сиятельство, тупым топором колоть сподручнее, – наставительно ответил Игнат.

Он отложил в сторону точило и провел ногтем по лезвию топора. Затем щелкнул, и лезвие тоненько зазвенело.

– За елкой хочешь сходить, ваше сиятельство. Новый год на носу.

– Ты не в нашем парке собираешься рубить ёлку? – встревожился я. – Господину Люцерну это не понравится.

– Что я, не понимаю, что ли? – с лёгкой обидой буркнул Игнат. – В лес поеду. За город.

– Выдумал тоже в лес за ёлкой ехать, – недовольно вмешалась в разговор Прасковья Ивановна. – Да эти ёлки на Съестном рынке по рублю продают. Выбери любую.

Наша изумительная кухарка мыла посуду после завтрака. Она разговаривала, не поворачиваясь к нам, было только слышно, как булькает вода и звенят тарелки.

– Я бы тоже в лес не поехал, – мечтательно улыбаясь, сказал Фома.

Домовой сидел за кухонным столом напротив Игната и сосредоточенно болтал ногами. У Фомы были каникулы, и он с удовольствием наслаждался каждой минутой безделья.

– Дома-то лучше, правда, ваше сиятельство?

– Много вы понимаете, – рассердился Игнат, – что за ёлки на Съестном рынке? Все как одна, кривые да облезлые. Такая ёлка и до Нового года не достоинит. Все иголки с неё осыплются. Магии в этих ёлках нет, вот что. Нет уж, я, как положено, поеду в лес и отыщу заветную елочку. Так отец мой делал, и дед, и его отец тоже.

– И прадед, и прапрадед, и прапрапрадед, – расхохотался Фома. – Это, наверное, еще в каменном веке было, дядька Игнат?

Помимо других наук, домовый изучал в Магическом лицее древнюю историю. Сейчас он не упустил момент похвастаться знаниями.

– В каком каменном веке? – вскипел Игнат, – что ты мелешь?

Он отложил топор и сделал вид, что хочет дать домовому подзатыльник. Фома звонко расхохотался и нырнул под стол.

– Не надо, дядька Игнат!

– А что это за заветная елочка? – поинтересовался я. – Никогда не слышал.

– Это потому, что вы, ваше сиятельство, в городской семье выросли, – ответил Игнат, усаживаясь обратно на табурет. – В столицах про это никто не помнит, а у нас в деревне любой мужик и каждая баба знают, что такое заветная елочка.

– Так расскажи, – улыбнулся я.

– А тут и рассказывать нечего. Заветная елочка всегда в глухом лесу растет. Отличить ее от других с первого взгляда легко – она всегда крепенькая и пушистая. Будто сама на праздник просится. Если такую елку в дом принести, да украсить как следует, то под Новый год она любое желание исполнит.

– Любое? – загорелся Фома, выглядывая из-под стола. – А может она сделать так, чтобы я артефакторику сдал на пятерки?

– А что у тебя по артефакторике? – заинтересовался я.

Дел у меня было много. В табель с отметками домового я заглядывал нечасто.

– Тройка, – шмыгнул носом Фома, – ну, не даются мне эти механизмы проклятые! То ли дело домашние чудеса, вот по ним у меня круглые пятерки.

– Подарю тебе на Новый год хороший учебник артефакторики, – улыбнулся я. – И попрошу его сиятельства, князя Пожарского, лично с тобой позаниматься.

– На каникулах? – перепугался Фома. – Не надо, ваше сиятельство! Пусть лучше дядька Игнат за елочкой съездит. Я ей желание загадаю, оно и сбудется.

– Заветная елочка такими глупостями не занимается, – недовольно проворчал Игнат. – Она только настоящие желания исполняет.

Он нерешительно посмотрел на меня и почесал в затылке.

– Ваше сиятельство, можете мне жалованье за январь вперед выплатить? Приобретение хочу сделать.

– Конечно, могу, – кивнул я. – А что собираешься купить, если не секрет? Впрочем, если не хочешь, можешь не говорить.

Я решил, что Игнат собирается сделать подарок Прасковье Ивановне.

– Ружье куплю! – неожиданно ответил Игнат. – С ним спокойнее.

– Зачем тебе ружье? – удивился я. – Наш дом сам себя неплохо охраняет.

Игнат оглянулся на Прасковью Ивановну и понизил голос.

– Заветную елочку не так-то просто добыть, ваше сиятельство. Я слышал, ее иногда снежные упыри стерегут.

– Снежные упыри?

Я изо всех сил старался сдерживать смех, чтобы не обидеть старого слугу.

– А как они выглядят?

Кажется, у меня получилось, потому что Игнат не обиделся.

– Да кто же их знает, ваше сиятельство, как они выглядят? – изумился он. – Из живых никто их не видел. А кто видел, тот уже ничего рассказать не смог. Я слышал только, что они следы на снегу оставляют. И следы эти не похожи на человечьи. Они похожи, будто комок с ветки в снег упал.

– Может, все именно так просто и объясняется? – улыбнулся я. – Почему ты решил, что это следы снежных упырей?

– Потому что люди так говорят, – упрямо ответил Игнат. – Но если я с ружьем буду, то эти упыри ко мне не сунутся.

– Вот тебе деньги, – рассмеялся я, выкладывая на стол несколько монет. – Купи себе хорошее, надежное ружье. Считай, это тебе новогодний подарок. Не могу же я допустить, чтобы тебе угрожала опасность.

– И вы его глупостям потакаете, – расстроилась Прасковья Ивановна.

– Может быть, и правда существует заветная елочка, – примирительно сказал я, – и она исполнит наши желания.

– Благодарю, ваше сиятельство, – обрадовался Игнат. – А я не подведу. Такую елочку привезу, что все удивятся.

– Уверен, у тебя все получится, – кивнул я. – А я, пожалуй, прокачусь в город, присмотрю подарки для всех остальных.

Именно в эту минуту мне прислал зов Никита Михайлович Зотов.

– Хорошего дня, господин Тайновидец, – прозвучал в моем сознании его отрывистый голос. – Мне нужно с вами встретиться. Где вы?

– У себя дома, но собираюсь выехать в город за подарками.

– Прошу вас отложить поездку, – нетерпеливо сказал Зотов. – Дело слишком важное.

– Хорошо, – согласился я, загораясь интересом.

Никита Михайлович Зотов никогда не преувеличивал. Если он говорит, что дело важное, значит, так оно и есть. И наверняка это дело связано с магией, иначе зачем бы он ко мне обратился?

– Буду у вас через пять минут, – сказал Зотов.

Я растерянно покачал головой. С чего бы такая спешка? Конечно, в канун праздников в Столице стоит суматоха. Ничего необычного – предпраздничная суэта и всякие происшествия.

– Игнат, через пять минут к нам приедет господин начальник Тайной службы. Мы с Елизаветой Федоровной примем его в кабинете. Пожалуйста, приготовь нам кофе.

– Сделаю, ваше сиятельство, – ответил Игнат, убирая наточенный топор.

***

В ожидании приезда Никиты Михайловича я спустился в кабинет. Лиза сидела за своим письменным столом и что-то увлеченно писала. Самопишущее перо скучало на своей подставке. Лиза пользовалась обычным чернильным. Кончики ее пальцев были в чернильных пятнах.

Когда я вошел, она подняла голову и улыбнулась.

– Привет. Заглянул меня проведать?

– Конечно, – в тон ей ответил я. – А заодно предупредить, что через пять минут к нам заедет Никита Михайлович. У него ко мне какой-то важный разговор. Мы тебе не мешаем? Если ты очень занята, мы можем поговорить в гостиной.

– Вот еще, – немедленно ответила Лиза. – Я просто делаю заметки для нового рассказа, и, кажется, у меня ничего не выходит. Знаешь, как это трудно – выдумывать истории из головы? Я подумала, что тебе нужно какое-нибудь новое дело. Ты его распутаешь, а я напишу об этом рассказ.

– Отличный план, – рассмеялся я. – Тогда оставайся, послушаем, с какими новостями приехал господин Зотов. А вот и он!

Я выглянул в окно и увидел, как черный мобиль Никиты Михайловича остановился возле калитки нашего дома. Хлопнула дверца. Нетерпеливо зазвенели бронзовые колокольчики на ограде. Никита Михайлович вылез из мобиля и торопливо пошел к калитке.

Я вышел навстречу гостю.

На щеках Зотова горел румянец, ладони его покраснели – Зотов был без перчаток. Он крепко пожал мне руку ледяными пальцами.

– Город словно с ума сошел, – пожаловался Никита Михайлович, когда мы с ним шли от калитки к крыльцу. – Везде ярмарки, гуляния, салюты. Зеваки съехали со всей губернии. Всем охота посмотреть, как встречают Новый год в столице. А за ними потянулись карманники, квартирные воры и прочая шушера.

Свежий снег звонко поскрипывал под подошвами Никиты Михайловича.

– Ну, карманниками и квартирными ворами занимается полиция, – рассмеялся я. – Миша Кожемяко жаловался, что ему приходится ночевать на работе. Он даже раскладушку поставил в кабинете.

– У нас, господин Тайновидец, тоже полно хлопот, – фыркнул Зотов. – А тут еще эта пропажа...

– А что у вас пропало? – заинтересовался я, чувствуя, что Никита Михайлович переходит к делу.

– Не что, а кто, – поправил меня Зотов. – Но предупреждаю вас: дело абсолютно секретное.

– Я бы хотел, чтобы при нашем разговоре присутствовала Елизавета Федоровна, – честно признался я. – Вы же знаете, что у меня от нее нет секретов? Можете быть уверены, Елизавета Федоровна не напишет ничего лишнего.

– Знаю, – отрывисто кивнул Зотов, стряхивая снег с плаща. – Но больше никому ни слова.

Я повел Зотова в кабинет и предложил ему кресло. Никита Михайлович поздоровался с Лизой, сел и закинул ногу на ногу.

– Игнат сейчас принесет кофе, – сказал я ему. – А пока рассказывайте, кто у вас пропал?

– Пропал секретарь Министерства иностранных дел Тимофей Григорьевич Аладушкин, – ответил Зотов. – Впрочем, пока мы не знаем точно, что с ним случилось. Вчера утром он не явился на службу.

– А разве министерства работают в праздники? – удивился я.

– Министерства всегда работают, – кивнул Зотов. – Не перебивайте, пожалуйста. Итак, Аладушкин не пришел на службу и никого не предупредил, хотя всегда отличался пунктуальностью. Помощник секретаря послал зов сначала ему, но Аладушкин не ответил. Тогда помощник связался с его супругой. Супруга подтвердила, что ровно в восемь утра Тимофей Григорьевич, как обычно, вышел из дома. Аладушкин любит ходить на службу пешком. Он живет неподалеку от министерства. Так что чиновник пропал где-то по дороге.

Никита Михайлович положил руки на подлокотники кресла.

– Министерство находится на Суворовском проспекте. Аладушкин всегда ходит на службу через Таврический сад. А там сейчас такое творится! Мы опросили всех его подчиненных. Я поговорил с женой и тещей Аладушкина. Мои ребята перевернули весь город. Они пытались найти хоть кого-нибудь, кто видел чиновника в парке, но не добились никакого результата. Аладушкин пропал бесследно.

– А вы уверены, что он жив? – спросил я.

– Ни в чем я не уверен, – ответил Зотов, – но тела тоже нет. Поймите, Александр Васильевич, Аладушкин – важная фигура в министерстве. Он имеет доступ к секретной информации. Его необходимо найти.

– Не сомневаюсь, – кивнул я. – А чем я могу вам помочь?

– Я хочу, чтобы вы вместе со мной съездили в Таврический сад, – ответил Зотов. – А затем поговорили со всеми свидетелями. Не верю я, что никто из них ничего не знает о пропаже чиновника. А вы с вашим даром чутко чувствуете любое вранье. Может быть, хотя бы подскажите, в какую сторону копать.

Где-то на левом берегу гулко забухали петарды. Стекла в окнах кабинета тоненько зазвенели. Никита Михайлович недовольно поморщился.

– Днем и ночью этот грохот. Никакого покоя!

Дверь открылась, и в кабинет вошел Игнат. В руках он держал поднос, на котором стояли чашки с кофе.

– Доброго дня, господин полковник, – поклонился он Зотову, а затем поставил поднос на стол.

– Теперь до самого праздника будут грохотать эти салюты, – скривил губы Никита Михайлович. – И ладно бы только из хлопушек стреляли. Слышали, что вчера приключилось на Васильевском острове? Торговец квасом, видно, перебрал своего напитка и от избытка чувств принялся палить из настоящего ружья. Хорошо, что стрелял в воздух, мерзавец. Никого не поранил, но прохожих здорово перепугал. Пожалуй, попрошу его величество подписать указ, который обяжет всех горожан во время праздников ружья держать под замком. И ни в коем случае не выходить с ними на улицу.

Лицо Игната помрачнело. Он осторожно откашлялся и вопросительно взглянул на меня. Я успокаивающе кивнул ему.

– Иди, потом поговорим.

– Так что, Александр Васильевич, съездите со мной в Таврический сад? – спросил Зотов, когда Игнат вышел.

– Надеюсь, ехать нужно не прямо сейчас? – поинтересовался я. – У меня есть и свои дела. До праздника осталось меньше недели, а я еще не успел купить подарки.

– Подарки могут подождать, – нетерпеливо ответил Зотов. – Это дело государственной важности. Его Величество лично попросил меня привлечь вас к расследованию.

Никита Михайлович удивленно посмотрел на меня.

– Какая муха вас укусила, господин Тайновидец?

– Трудно объяснить, – честно ответил я. – Кажется, мой магический дар подсказывает, что мне не стоит браться за это дело. Это не предостережение, а что-то другое. Да и потом, ну что я увижу там, в Таврическом саду? Я же не следопыт, в конце концов. Ваши сотрудники намного опытнее меня. Вызовите эксперта, он разберется, куда подевался ваш чиновник.

– Но со свидетелями-то вы можете поговорить? – раздраженно спросил Зотов.

По его лицу я видел, что он не верит в мой рассказ о предостережении магического дара. Я хотел ответить, но в этот момент мне прислал зов Игорь Владимирович.

– Здравствуй, Саша. Я не отвлекаю тебя от важных дел? – как всегда деликатно, спросил дед.

– Нисколько, – ответил я.

Зов деда обещал мне желанную передышку в трудном разговоре с Зотовым.

– У меня к тебе просьба, Саша, – продолжил Игорь Владимирович. – Сегодня утром я узнал, что куда-то бесследно исчез Тимофей Григорьевич Аладушкин. Это мой хороший знакомый, можно сказать, друг юности. Насколько я знаю, полиция и Тайная служба пока не смогли его отыскать. Саша, я очень прошу тебя помочь в его поисках.

– А Аладушкин ваш друг? – удивился я.

– Да, – подтвердил дед. – Мы познакомились еще во время учебы. Потом Тимофей поступил на государственную службу. А я занялся делами нашего рода, но мы никогда не теряли друг друга из виду. Так ты сможешь полиции его найти?

– Вы не поверите, но точно с такой же просьбой ко мне только что приехал Никита Михайлович Зотов, – признался я. – А откуда вы узнали о пропаже Аладушкина? Насколько я понял, Тайная служба держит это в секрете.

– Мне сообщил об этом император, – ответил дед. – Он знает, что мы с Аладушкиным дружим.

– Его Величество обложил меня со всех сторон, – вздохнул я. – Что ж, тогда я возьмусь за его поиски. Отказать вам я не могу, вы это прекрасно знаете.

– А ты не хочешь его искать? – встревожился дед. – Почему?

– Сам не знаю, – ответил я. – Какое-то неясное предчувствие. Не обращайтесь внимания. Найдем вашего друга, а потом разберемся с моим предчувствием.

Я попрощался с Игорем Владимировичем и посмотрел на Зотова.

– Что же, Никита Михайлович, я готов ехать с вами в Таврический сад. А потом вместе поговорим со свидетелями.

– А можно мне поехать с вами? – спросила Лиза, переводя взгляд с Никиты Михайловича на меня.

Примерно секунду Зотов колебался. Потом он вспомнил, сколько сил ему пришлось потратить, чтобы добиться моего согласия, и неохотно кивнул.

– Конечно, Елизавета Федоровна, буду рад, если вы к нам присоединитесь. Поедем на моем мобиле, так быстрее.

Глава 2

Никита Михайлович остановил мобиль у ворот Таврического сада.

– Вот это веселье!

Я изумленно смотрел сквозь ажурную ограду на суматоху, которая царила в Таврическом саду. Там кружили карусели, мелькали в воздухе дымные факелы жонглеров, звучала веселая музыка, слышался смех и задорный визг. Горожане веселились вовсю, радуясь новогодним праздникам.

Я удивленно тряхнул головой, приходя в себя. Потом обошел мобиль, открыл дверцу и помог Лизе выйти.

Глаза Лизы радостно заблестели.

– Саша, смотри, как тут весело! – улыбнулась она. – Давай приедем сюда не для расследования, а просто так погулять. Ну, пожалуйста!

Она сделала жалобное лицо и прижала сложенные лодочкой ладони к груди.

Ну, как тут устоять?

– Приедем, – рассмеялся я, – и повеселимся от души.

– Но сейчас-то у нас важное дело, – хмуро напомнил Зотов.

Он давным-давно вылез из мобиля и теперь нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Идемте. Нам еще господина Щедрина разыскивать в этой толчее.

Расчищенные дорожки сада были посыпаны песком, но я на всякий случай взял Лизу под руку. Она удивленно крутила головой.

– Смотри, Саша, вот это горка!

Прямо посреди Таврического сада была насыпана огромная гора плотно утрамбованного снега. Дворники щедро полили ее водой, и она превратилась в гигантскую ледяную горку. Теперь с этой горки с удовольствием скатывался народ – кто на санках, кто на картонках, а кто и на своем мягком месте. Девушки задорно визжали, парни баловались и сталкивали друг друга вниз.

Да и горожане постарше от них не отставали.

Я обратил внимание на солидного мужчину в темном пальто с меховым воротником. По виду он был похож на чиновника из какого-нибудь гражданского ведомства. Мужчина сосредоточенно карабкался на горку, размахивая кожаным портфелем, чтобы не потерять равновесие.

– Не долезет, – весело улыбаясь, сказал я Лизе. – Шлепнется.

Но синовник оказался упорным и все-таки добрался до вершины. А там, сосредоточенно оглядевшись, уселся прямо на свой портфель и лихо скатился вниз, при этом на его полном лице сияла блаженная детская улыбка. Так что я от души ему позавидовал.

Тоже прокатиться, что ли?

Никита Михайлович как будто услышал мои мысли и дернул меня за рукав.

– Вы не забыли, что мы здесь по делу, господин Тайновидец? – язвительно спросил он.

– Не забыл, – рассмеялся я. – Именно делом я и занимаюсь. Разглядываю место происшествия и, кажется, отлично понимаю, как господин Аладушкин мог незаметно исчезнуть в этой суматохе. Здесь целого слона можно угробить, и никто не заметит.

Неподалеку от горки, на замерзшем пруду городские власти расчистили каток. Он тоже был полон.

Большинство горожан катались неуклюже, то и дело сталкиваясь друг с другом. Некоторые выделывали замысловатые пируэты.

Веселья добавляли мальчишки с самодельными клюшками, которые гоняли шайбу, умудряясь проскакать между катающимися. Они азартно лупили по воротам. В воротах сосредоточенно нахмурился вратарь лет девяти или десяти от роду. Он так ловко отбивал летящие шайбы, что я невольно усмехнулся.

Сорванец явно пользовался магическим даром!

На краю пруда сколотили небольшой временный павильон. В этом хлипком строении краснощекая, похожая на свеклу женщина в полушубке и валенках за небольшую плату выдавала коньки всем желающим.

– Прокатимся? – азартно предложила мне Лиза.

– Нет уж, дорогая, – рассмеялся я, – это не мой вид спорта. Я стоял на коньках только один раз в жизни, всего несколько секунд, а затем подвернул ногу и навсегда зарекся пользоваться этими хитроумными приспособлениями.

– Я тебя научу, – не отставала Лиза. – Ну, давай!

Никита Михайлович страдальчески вздохнул и закатил глаза. Ему явно не нравилось наше легкомысленное поведение.

– Господин полковник совсем извелся, – шепнул я Лизе. – Не будем его мучить.

А вслух сказал:

– Идемте, поищем нашего эксперта. Если я не ошибаюсь, рядом с горкой торгуют какой-то едой. Леонид Францевич наверняка там.

Я не ошибся. Возле горки и в самом деле бодро шла торговля. Здесь жарили мясо, прямо на улице варили жёлтую кукурузу в огромных котлах с соленой водой, торговали пирогами и горячим чаем. Торговцы наперебой гомонили, расхваливая свой товар и отпускали шутки в сторону конкурентов.

Чуть в стороне от этой суматохи стоял печальный мужчина. На его плече висела огромная связка банных веников. Не знаю, почему он решил прийти со своим товаром именно сюда. Вениками никто не интересовался, но мужчина упорно стоял, как будто дал себе слово обязательно распродать свой товар.

– А вот и Леонид Францевич, – обрадовался я, заметив в толпе эксперта Тайной службы. – И конечно, он уже что-то жуёт. Леонид Францевич!

Услышав, что я его зову, эксперт пробрался к нам. В одной руке он держал свежий калач, в другой – большую кружку с каким-то горячим напитком. Несмотря на занятые руки и скользкий утоптаный, Леонид Францевич ловко лавировал между гуляющих горожан.

– Что это у вас? – заинтересовался я, глядя на кружку.

– Кисель, Александр Васильевич, – ответил Щедрин. – Клюквенный, на меду!

Эксперт выразительно причмокнул губами.

– Где вы его раздобыли? – еще больше заинтересовался я.

– Места надо знать, – весело рассмеялся Леонид Францевич. – Видите вот ту палатку? Да-да, пеструю, возле которой очередь. Берите, не пожалеете. Будете потом вспоминать меня добрым словом.

– Нисколько не сомневаюсь, – улыбнулся я.

И спросил у Лизы:

– Хочешь клюквенного киселя? Сам Леонид Францевич рекомендует.

– Хочу, – решительно кивнула Лиза, – и калач.

– Калачи там же, возле палатки, продает мальчишка, – подсказал Леонид Францевич. –

Он плут и всегда норовит прикарманить сдачу, но выпечка у него отменная.

Никита Михайлович, судя по его недовольному виду, совсем извелся. Но я решил не обращать на это внимания и отправился за провиантом.

– Почем калачи? – спросил я парнишку.

На лице парнишки играла хитрая ухмылка.

– По пятаку, Ваша милость, – ответил продавец.

– Мне два, – кивнул я, протягивая ему полтинник.

Парнишка мигом сунул монету в карман и даже не стал делать вид, что собирается дать мне сдачу. Но калачи пахли так восхитительно, что я махнул на это рукой. В конце концов, в любом столичном трактире за такую выпечку с меня содрали бы втрое больше.

Затем я честно отстоял очередь за киселем и вернулся к своим, держа добычу в обеих руках.

– Как вкусно! – сказала Лиза, осторожно пробуя горячий кисель.

Я тоже сделал глоток и сразу же согласился с ней. Пронзительная клюквенная кислинка отлично смешивалась с медовой сладостью. Кисель был тягучим и приятным. Я сразу же согрелся, несмотря на морозный день.

Затем я откусил калач и восхитился еще больше. Он был мягким, сдобным и пах ванилью и корицей.

– Вы, наконец, подкрепились? – с упрёком спросил Никита Михайлович. – Мы можем заняться делом?

Кажется, он едва сдерживался.

– Конечно, – торопливо кивнул я, чтобы успокоить его. – Я могу одновременно жевать и слушать. Леонид Францевич, вам удалось что-нибудь найти?

– Абсолютно ничего, Александр Васильевич, – весело ответил эксперт. – Ни следов, ни улик, ни свидетелей. Господин Аладушкин будто в воду канул.

– А вы уверены, что он вообще был в Таврическом саду? – уточнил я. – Кто видел Аладушкина последним?

– Его жена, – с сомнением ответил эксперт.

– Последним его видел дворник из дома, где живет Аладушкин, – вмешался Зотов. – По его словам, чиновник без четверти восемь спустился из своей квартиры. Как обычно поздоровался с дворником, вышел на улицу и свернул в сторону Таврического сада.

– У него было что-нибудь при себе?

– Только служебный портфель.

– Понятно, – кивнул я. – А в парке его никто не видел?

– Вы же сами видите, что здесь творится, – Никита Михайлович раздраженно развел руками. – Тут рота солдат пропадет, никто и не заметит. Такое впечатление, что весь город съехался на гулянья в Таврический сад. Мои сотрудники сбились с ног, опрашивая гуляк и торговцев. И никакого толку.

– Попробуйте расспросить мальчишек, – посоветовал я. – Они там, на пруду, гоняют шайбу. Дети лучше взрослых подмечают все необычное. Наверняка эти мальчишки дни напролет проводят на катке. Они вполне могли видеть Аладушкина.

– Вы так думаете? – Никита Михайлович с сомнением посмотрел на меня.

– Думаю, – улыбнулся я. – Глазеть по сторонам – одна из важных мальчишеских забав, а взрослые все время заняты скучными делами и ничего не замечают. Позвольте дать вам совет, Никита Михайлович. Страхните с себя этот мрачный вид и обратите внимание на то, какой прекрасный сегодня день.

– Вам легко говорить, господин Тайновидец, – поморщился Зотов. – Не вы ведете это дело. Если мы не отыщем господина Аладушкина, меня самого так встряхнут, что не поздоровится. Но насчет мальчишек вы правильно подметили. Сейчас вызову сюда своих людей, пусть их расспросят.

Никита Михайлович сосредоточенно нахмурился и прикрыл глаза, посылая кому-то зов.

Пользуясь случаем, Лиза умоляюще посмотрела на меня.

– Саша, я хочу прокатиться с горки. Один разочек. Можно?

– Давай вместе, – рассмеялся я, – пока Никита Михайлович занят.

Держась за руки, мы взобрались на горку. Она была такой высокой, что у меня захватило дух. Я заметил под ногами втоптанную в снег порядком истрепанную картонку. Поднял ее, отряхнул и протянул Лизе.

– Держи. Не боишься?

– Не боюсь, – расхохоталась Лиза.

Она решительно уселась на картонку и крикнула мне:

– Толкай!

Я осторожно подтолкнул ее в спину, и Лиза промчалась вниз по ледяному склону.

Я решил, что отставать не годится, и покатился вслед за ней. Но на моем пути возник предательский ледяной бугор. Он направил меня в сторону, и я едва не сбил с ног борогатого дворника в холщовом фартуке, который неторопливо расчищал дорожку при помощи большой деревянной лопаты. Дворник вовремя увернулся, пробормотав мне вслед какое-то неразборчивое проклятие. А я врезался в сугроб, и холодный снег обжег мне лицо и ладони.

Убедившись, что мои руки и ноги остались целыми после головокружительного спуска, я выбрался из сугроба. И увидел, что Лизе помогает подняться какой-то бравый военный с лихими усами.

Одной рукой он поднимал Лизу, а другой умудрялся одновременно подкручивать усы. Да еще и что-то говорил Лизе, судя по всему, сыпал комплиментами.

Лиза ответила, и военный немедленно повернулся в мою сторону. В его глазах мелькнула ревность, которая тут же сменилась восхищением.

Военный галантно поклонился Лизе, вежливо кивнул мне и отправился по своим делам.

Лиза покраснела от счастья, и я поцеловал ее в холодную щеку.

– Умеете вы веселиться, – с легкой завистью сказал Леонид Францевич.

– Прокатитесь, – посоветовал я эксперту. – Незабываемые ощущения.

– И прокачусь, – вдруг согласился Щедрин. – Никита Михайлович, подержите мой калач!

– Ну, вы-то куда? – вскипел Зотов.

Но Леонид Францевич его не слушал.

– Давайте, подержу, – смеясь, предложил я.

Эксперт доверил мне свою еду и принялся карабкаться на ледяную гору.

– Зачем только я связался с вами? – никак не мог успокоиться Никита Михайлович. – Помощи от вас никакой, только зря трачу время.

– Может, и не зря, – не согласился я. – Видите дворника, который чистит дорожку? Что-то мне подсказывает, что нам нужно с ним поговорить. Он работает здесь, в саду, и мог что-нибудь видеть.

– Уверен, что мои люди уже его допросили, – бросил Зотов, – и не выяснили ничего интересного.

Я покачал головой.

– А я предлагаю не допрашивать, а поговорить. Улавливаете разницу? Не важно, просто давайте потратим еще немного времени.

Дворник все так же мерно скреб лопатой и без того чистую дорожку, делая вид, что веселье вокруг никак его не касается. Его сумрачное лицо до самых глаз заросло густой седой бородой. Когда мы подошли ближе, я почувствовал, что от дворника пахнет чесноком и солеными огурцами. К этому запаху примешивался явный аромат вчерашних возлияний.

– Тайная служба, полковник Зотов, – коротко представился Никита Михайлович. – Мы ищем одного человека.

Он сжато, но точно описал пропавшего чиновника.

– Видел ты его здесь?

– Кого я только не видел, – неохотно буркнул дворник. – Днем и ночью шатаются, работать не дают.

Он явно намекал на нас.

– Будешь хамить, я тебя в кутузку засажу! – разозлился Зотов. – Отвечай, видел чиновника или нет?

– Никого не видел, – не глядя ему в глаза, буркнул дворник.

Затем отвернулся и снова принялся скрести дорожку.

Мой магический дар шевельнулся в груди, предупреждая меня о том, что дворник нам врет. Я не сомневался, что Никита Михайлович сумеет добиться от него правды, но на это уйдет довольно много времени.

Поэтому я решил попробовать другой способ.

Я обошел дворника, остановился прямо перед ним и достал из кармана серебряный рубль. Лопата уперлась в мои ботинки и замерла. Дворник по-прежнему не поднимал глаз.

– Человек, которого мы ищем, не сделал ничего плохого, – объяснил я, – но он пропал, и его семья очень беспокоится. Возможно, с ним что-то случилось.

Я протянул дворнику рубль и улыбнулся, ожидая, что он ответит.

Дворник густо кашлянул в бороду, а потом с неохотой посмотрел на меня. Его глаза как будто выцвели и прятались под густыми бровями, но взгляд был внимательным.

– Вот так бы и сразу, – оправдываясь, проворчал он, – а то пугают. Так каждый назовется начальником и давай допрашивать. А я как проверю? А вы кто будете, господин хороший?

– Граф Александр Васильевич Воронцов, – представился я. – Меня еще называют Тайновидцем. Я вас не обманываю, Тимофей Григорьевич Аладушкин и в самом деле не сделал ничего плохого. Но он пропал, и мы должны его разыскать. Так вы его знаете?

Я положил монету в загрубевшую ладонь дворника.

– Знаю, – кивнул он, – как не знать. Тимофей Григорьевич каждое утро здесь мимо меня на службу ходит. Иногда и поболтать остановится. Хороший он человек, добрый. Душевный!

Последнее слово дворник произнес многозначительно, как будто оно полностью говорило, каким человеком был Аладушкин.

– И вчера вы тоже его видели? – уточнил я.

Дворник угрюмо покосился на Зотова.

– Видел, – неохотно сказал он. – Как обычно, утром. Только Тимофей Григорьевич какой-то невеселый был, не как всегда. Идет, портфелем своим машет, а лицо такое серьезное. Остановился возле меня и молчит. Я говорю ему:

– Здравствуйте, Тимофей Григорьевич.

А он вдруг отвечает:

– Хороший ты человек, Иван. Иван – это я, значит. Так вот, говорит, хороший ты человек. И как будто еще хотел что-то сказать, да только замолчал и дальше пошел.

– А ты что? – нахмурился Зотов.

– А что я? – пожал плечами дворник. – У меня работа.

Но я чувствовал, что дворник сказал далеко не все.

– Вы обратили внимание, выходил Аладушкин из парка или нет?

Дворник снова помолчал, а потом решительно воткнул лопату в сугроб.

– А, ладно! В общем, почувствовал я, что дело неладное, и пошел за Тимофеем Григорьевичем. Только вы ему не говорите, а то обидится на меня.

Зотов подался вперед.

– И что ты видел? Говори, не тяни.

– Его около ворот мобиль ждал, как раз рядом с министерством. Большой такой, серый. Тимофей Григорьевич сел в него и уехал. И с ним еще человек какой-то.

– Какой мобиль? – нахмурился Зотов. – Что за человек? Описать сможешь?

– Говорю же, серый такой, большой. А в моделях я не разбираюсь.

– А человек?

– Человек здоровый такой, плечистый. Поздоровее меня будет.

– Узнать его сможешь, если увидишь?

– А чего не узнать-то? – удивился дворник. – Я еще в своем уме, и память хорошая. Узнаю.

– Скажите, Тимофей Григорьевич сам сел в мобиль? – уточнил я. – Или, может быть, этот человек усадил его силой? Как вы думаете, они знакомы или нет?

– Да мне-то почем знать? – снова насупился дворник. – Может, и знакомый. Вроде, Тимофей Григорьевич, сам в мобиль садился. Этот человек его так приобнял за плечи, и вроде как помог ему сесть.

– Помог или затолкал в мобиль? – прищурился Зотов.

– Да откуда я знаю? – растерялся дворник. – Что видел, то и рассказал, а чего не видел, о том и говорить не буду.

– Все ясно!

Никита Михайлович торжествующе посмотрел на меня.

– Похитили Аладушкина, прямо у порога министерства. Да еще и с портфелем. А в портфеле наверняка документы.

– Вы думаете, Аладушкин брал секретные документы домой? – засомневался я.

– Может, и не секретные, – оскалился Зотов, – а может, и брал. А если и не брал, то уж точно читал, и в голове у него они есть. Ничего, разберемся!

Зотов нетерпеливо огляделся.

Я тоже оглянулся и увидел, что к нам торопится помощник Зотова. Как и Никита Михайлович, он был одет во все черное и выглядел очень официально.

Подойдя, помощник торопливо кивнул нам и сходу заговорил.

– Мальчишки видели, как Аладушкин садился в мобиль с каким-то человеком. Мобиль серый, грузовой. Вроде бы такие делают в мастерских Воронцова.

– Прекрасно, – зловеще протянул Зотов.

– Воронцовы тут ни при чем, – нахмурился я. – Мобиль мог купить кто угодно. Это очень популярная модель, такие есть у каждого торгового предприятия.

– Да знаю я, – мотнул головой Никита Михайлович, – это сейчас не важно. Важно другое. Мальчишки подтвердили показания дворника. Похоже, Аладушкина их в самом деле похитили. Антон Сергеевич, ты показания мальчишек записал?

– Точно так, ваше высокоблагородие, – кивнул помощник.

– Молодец. Тащи дворника в управление, и пусть он все расскажет под запись. И прикажи менталисту с ним поработать, я хочу знать все детали.

– Это что, вы в моих мозгах копать будете? – испуганно отшатнулся дворник. – Вот какая ваша благодарность за то, что я вам помог?

– Да не кричи ты, ничего с тобой не сделается, – поморщился Зотов. – Обычная проверка. А будешь ерепениться, я скажу менталисту, чтоб он тебя от пьянства заколдовал. А то белый день на дворе, а от тебя перегаром разит.

Дворник так перепугался, что я решил его подбодрить.

– Этот менталист мой хороший знакомый, – сказал я. – Уверю вас, он не сделает вам ничего плохого. Просто поможет освежить ваши воспоминания. Это и в самом деле очень важно.

После моих слов дворник немного успокоился и с благодарностью взглянул на меня.

– Не заколдует он меня? – спросил он.

– Ни в коем случае, – улыбнулся я, – специально его предупрежу. Вот, возьмите.

Я протянул дворнику еще один рубль.

– Спасибо вам за помощь.

– Да что там!

Дворник мотнул длинной бородой.

– Вы Тимофея Григорьевича найдите. Хороший он человек, жалко будет, если пропадет.

– Уводи его, Антон Сергеевич, – распорядился Зотов. – И не забудь объявить мобиль в розыск.

– Без толку, господин полковник, – засомневался помощник. – Александр Васильевич прав – таких мобилей в городе сотни. А то и тысяча наберётся. Не найдем.

– А ты не рассуждай, а делай! – бросил ему Никита Михайлович. – Вот когда не найдешь, тогда и будем думать дальше.

– Слушаюсь, господин полковник! – откозырял Артём Сергеевич.

И взял дворника под локоть:

– Идем, отец. Запишем твои показания.

А Никита Михайлович продолжал отдавать приказы. Он махнул рукой Щедрина, который только что выбрался из сугроба и все еще отряхивал свое кургузое пальто от снега.

– Господин эксперт, надо срочно осмотреть место, где стоял мобиль похитителя. Возможно, там остались какие-то следы.

– На проспекте-то? – удивился Щедрин, разводя руками. – Шутите, Никита Михайлович!

Но Зотов, не слушая его, уже шагал по дорожке к тем воротам сада, которые выходили к зданию Министерства иностранных дел.

Мы заторопились за ним.

Суворовский проспект выглядел оживленным. По тротуарам весело переговариваясь, спешили горожане. По широкой проезжей части то и дело, урча моторами, катились мобили.

Леонид Францевич для приличия прошелся вдоль тротуара, внимательно глядя себе под ноги. Затем вздохнул и покачал головой:

– Как я и говорил, никаких следов, Никита Михайлович. Придется вам расспрашивать свидетелей.

– И расспросим, – решительно кивнул Зотов.

Теперь, отыскав ниточку, ведущую к пропавшему чиновнику, он снова стал самим собой – собранным и деловитым начальником Имперской Тайной службы.

– В таком случае, с вашего разрешения, я вернусь в свою лабораторию, – благодушно улыбнулся Щедрин. – Если найдете какие-нибудь улики, привозите. Всего хорошего, Александр Васильевич! Елизавета Федоровна, был чрезвычайно рад повидаться!

– Не думаю, что тебе стоит идти с нами в министерство, – мягко сказал я Лизе. – Разговоры с чиновниками – это очень скучное и чрезвычайно утомительное занятие. Оно может затянуться надолго.

– Да я и сама не хочу, – призналась Лиза. – Лучше погуляю еще по саду, а потом поеду домой. Ты не против?

– Не против, – улыбнулся я. – Только не флиртуй с военными. Если будет что-нибудь интересное, я пришлю тебе зов.

– Отправимся в министерство? – спросил я Зотова, когда мы остались вдвоем.

Никита Михайлович задумчиво посмотрел на четырехэтажное здание Министерства иностранных дел и покачал головой:

– Не стоит раньше времени давать чиновникам пищу для сплетен. Слухи все равно пойдут, но пусть это случится как можно позже. Давайте-ка навестим жену Аладушкина. Может быть, она о чем-то мне не рассказала. В конце концов, чиновник пропал по дороге из дома на службу, а не наоборот.

Глава 3

– Ну что, едем домой к Аладушкину? – спросил сам себя Никита Михайлович, трогая мобиль с места. – Он живет тут неподалеку, в переулке Приезжих Баронов.

– Забавное название, – улыбнулся я.

– А вы знаете, откуда оно взялось? – поинтересовался Зотов, вырвав на проезжую часть.

– Откуда мне знать? – удивился я. – До этой минуты я даже не слышал о таком переулке.

– За время Смуты ряды столичной аристократии основательно в пределе, – объяснил Никита Михайлович, – Кто-то погиб, кто-то отправился в ссылку. После того, как император победил, и в Империи установился мир, оказалось, что многие государственные должности просто-напросто некому занимать. И тогда в столицу толпой хлынули аристократы из захолустья. Им порядком надоело сидеть в своих медвежьих углах, и все они захотели оказаться поближе к императорскому двору. Нетрудно догадаться, что своего жилья в Столице у них не было. Поэтому они селились на съемных квартирах.

Никита Михайлович притормозил, пропуская веселую компанию, которая переходила улицу, не глядя по сторонам.

– А в этом переулке – он тогда назывался Садовым – один предприимчивый купец как раз построил два новых доходных дома. Вот он и принялся сдавать квартиры приезжим дворянам. Среди горожан долго ходила байка о том, что у него на каждом этаже живут по три графа и пять баронов. Потом и сам переулок стали называть переулком Приезжих Баронов. И название прижилось.

– Чего только не бывает на свете, – улыбнулся я.

А затем, пользуясь свободной минутой, послал зов Юрию Горчакову.

Мы с Юрием познакомились при не самых приятных обстоятельствах. Он нарушил имперские законы, пытаясь лишиться магического дара своего брата.

Но все закончилось сравнительно благополучно. Юрий признал свою вину. Он понес наказание, и сейчас служил магом-менталистом при управлении Тайной службы. Это позволяло Юрию развивать свои способности и не нарушать при этом закон.

– Добрый день, Александр Васильевич, – ответил Юрий на мой зов. – У вас ко мне какое-то дело?

– И очень важное, – признался я. – Помощник господина Зотова с минуты на минуту должен привести к вам свидетеля – дворника из Таврического сада. Мы только что с ним разговаривали, и дворник очень напуган предстоящей проверкой у менталиста. Юрий Николаевич, я прошу вас обойтись с ним как можно мягче. Вы ведь сможете его успокоить?

– Разумеется, – серьезно ответил Юрий. – Я же менталист. Не беспокойтесь, Александр Васильевич, с дворником все будет в порядке.

– И очень вас прошу: не внушайте ему, пожалуйста, никаких ментальных установок, даже если вам покажется, что это для его же блага. Все-таки, причинять добро нужно только с согласия пациента.

– Разумеется, – ответил Горчаков. – Обещаю вам, что не стану ничего внушать этому дворнику. Вы же помните, один раз я уже попробовал, и последствия мне не понравились.

– Спасибо, Юрий Николаевич, – улыбнулся я. – Заезжайте как-нибудь ко мне на Каменный остров на чай с пирогами. Прасковья Ивановна изумительно печет пироги.

Юрий поблагодарил меня за приглашение, а затем извинился и закончил разговор. Оказывается, дворника уже доставили в управление.

***

Никита Михайлович свернул в узкий переулок, стиснутый высокими домами, и остановил мобиль возле тротуара.

– Приехали, господин Тайновидец.

Здания в переулке Приезжих Баронов выглядели хоть и не величественно, но вполне солидно. Фасады домов украшали фальшивые колонны и скульптурные изображения мифических существ. А большие окна намекали на то, что в здешних квартирах просторные комнаты с высокими потолками.

– Наверное, снимать здесь жилье довольно дорого? – предположил я.

– Так и есть, – кивнул Зотов. – Но господин Аладушкин три года назад выкупил свою квартиру у домовладельца.

– У служащих Министерства иностранных дел такое хорошее жалование? – удивился я. – Или Аладушкин получил богатое наследство?

– Ни то, ни другое, – покачал головой Никита Михайлович. – Я узнавал. Но откуда-то он взял деньги. Нам сюда.

И Зотов кивком головы пригласил меня в подворотню.

Из внутреннего дворика до нас долетели рассерженные голоса. Похоже, там о чем-то спорили. Миновав низкую арку, мы увидели, как солидный господин в черном пальто, похожий на адвоката, насаждает на перемазанного углем истопника.

– Это безобразие, – кипятился он. – Я в полицию буду жаловаться. Дерут с жильцов такие деньги, и спрашивается, за что? За то, чтобы мы боялись спать по ночам? Имейте в виду, я этого дела так не оставлю.

– Да что же я могу поделать, господин Полуянов? – оправдывался истопник. – Мы с Егоркой уже и отраву по всем углам разложили, а они все шмыгают, проклятые.

– Так стреляйте в них из ружья! – не унимался Полуянов. – Сделайте хоть что-нибудь!

– В чем дело, господа? – сухо поинтересовался Зотов, подходя к спорщикам.

Полуянов живо обернулся и тут же попытался привлечь Никиту Михайловича на свою сторону.

– Крысы у нас в доме расплодились, вот в чем дело. Бегают по комнатам прямо среди белого дня. Домовладелец, видите ли, в отъезде, а его работнички ничего не могут поделать. А между тем эти противные твари напугали мою супругу и наверняка разносят какую-нибудь заразу!

– Откуда крысы? – нахмурился Никита Михайлович, сурово глядя на истопника. – Мусор редко вывозите?

– Ничего не редко, – отбивался окружённый стопник. – Вывозим, как положено. А вы сами-то, господа хорошие, кто такие будете? И что вам здесь нужно?

– Тайная служба, полковник Зотов, – бросил Никита Михайлович. – Мы к госпоже Аладушкиной.

Услышав про Тайную службу, господин Полуянов побледнел и как будто стал меньше ростом.

– Прошу извинить меня за эту безобразную сцену, господа! – изменившимся голосом сказал он. – У меня срочные дела.

С этими словами Полуянов стремительно скрылся в подворотне.

– Знаем мы эти дела, – мстительно бросил ему в спину истопник. – Порядочные семьи разрушать да денежки из клиентов тянуть.

– О чем это вы? – хмуро поинтересовался Зотов.

– Я про адвоката этого Полуянова, – с огромной радостью сообщил истопник. – Все знают, что он грязными делишками занимается. Бракоразводные процессы устраивает. А уж какими способами работает, стыдно сказать. Да вы наших жильцов порасспросите.

– Тайную службу это не интересует, – оборвал истопника Никита Михайлович. – У нас нет времени.

– А к ведьме загляните, – торопливо закивал истопник, – да расспросите ее как следует. Точно вам говорю, не без ее помощи господин Аладушкин пропал.

– Про какую ведьму ты говоришь? – стремительно обернулся Никита Михайлович.

– Ну как же, – изумился истопник. – Теща господина Аладушкина, госпожа Гюнтер. Она ведьма и есть. А вы не знали? Ходит вся в чёрном, а смотрит так, будто душу из тебя вынимает. Вчера на лестнице с ней столкнулся, так у меня сердце в пятки ушло.

– Хватит болтать! – второй раз оборвал Зотов говорливого истопника. – Займись лучше крысами, а я попрошу полицию проверить.

Он открыл дверь в подъезд.

– Александр Васильевич, вы идёте?

– Вы считаете, что теща господина Аладушкина занимается темной магией? – с интересом спросил я истопника. – И у вас есть какие-нибудь доказательства?

– Сами увидите, господа хорошие, – мрачно ответил истопник. – А только я вас предупредил.

Больше я ничего от него не добился и поспешил вслед за Зотовым.

Мы поднялись на второй этаж, и Никита Михайлович Вдавил кнопку звонка. В глубине квартиры раздался резкий скрежещущий звук.

Нам открыла горничная, похожая на тихую, перепуганную мышь.

– Прошу за мной, – не глядя в глаза прошептала она. – Господа примут вас в гостиной. Я прислушался к ее эмоциям. Кажется, эту девушку уже давно мучил какой-то страх.

В гостиной было темно из-за наглухо задернутых штор. Магическая лампа под потолком едва светила.

В кресле возле чайного стола сидела довольно молодая женщина в черном платье с кружевным воротником. Ее лицо выглядело заплаканным. Веки опухли, а светлые волосы были небрежно собраны в причёску.

Рядом с ней сидел мужчина с такими же светлыми волосами. На нем был строгий черный костюм. Тонкие губы мужчины признательно кривились.

– Добрый день, – поздоровался Зотов, входя в гостиную. – Только что выяснились новые обстоятельства пропажи господина Аладушкина, и я должен задать вам несколько вопросов.

– А кто это с вами? – всхлинула женщина.

– Граф Александр Васильевич Воронцов, – представился я. – Помогаю господину Зотову в расследовании. А вы госпожа Аладушкина?

– Моя дочь носит фамилию Гюнтер, – раздался из угла гостиной жёсткий властный голос. Я вздрогнул от неожиданности.

Тень в углу шевельнулась, и я понял, что там стоит женщина. Она тоже была одета в черное.

Наверняка ей было немало лет, но назвать ее старухой у меня не повернулся бы язык.

Ее подбородок гордо выступал вперед, а глаза глядели пристально и твердо.

Правильно сказал истопник – как будто душу вынимает.

– Позвольте представиться, – отчеканила женщина, подходя к столу. – Генриетта Абельардовна Гюнтер. Это моя дочь, Эльза Леопольдовна, и мой сын, Генрих Леопольдович Гюнтер. Вы что-то сказали про новые обстоятельства, господин полковник?

– Мужа вашей дочери видели в Таврическом саду, – объяснил Зотов. – Свидетели заметили, что он сел в большой серый мобиль, а мобилем управлял широкоплечий мужчина средних лет. Это описание вам о чем-нибудь говорит, Эльза Леопольдовна? Есть у вашего мужа такие знакомые? Может быть, кто-то заезжал к вам на похожем мобиле?

– Таких знакомых у Тимофея нет, – ответила вместо Эльзы Леопольдовны ее мать. – Мы бы знали. Хотите чаю, господа?

Она произнесла приглашение все тем же ледяным тоном, даже не пытаясь казаться гостеприимной.

Я подумал, что эта женщина просто разучилась говорить другим голосом.

Зотов покачал головой, собираясь отказаться, но я его опередил.

– Мы с удовольствием выпьем чаю, Генриетта Абелардовна, – с вежливой улыбкой сказал я. – На улице такой мороз.

Мне нужно было понять, какие эмоции движут этими странными замкнутыми людьми. Я решил добиться своего любым возможным способом.

– Анюта, – повысила голос госпожа Гюнтер, – принеси чай и печенье. Прошу вас, господа, садитесь.

Небрежно кивнув нам, она опустила в кресло.

Мы тоже сели.

– Значит, вам так и не удалось найти моего мужа? – воскликнула Эльза Леопольдовна.

Ее голос трагически дрожал, но мне показалось, что она переигрывает.

– Пока мы его не нашли, – согласился Зотов. – У нас есть несколько версий, и мы их все проверяем.

Он посмотрел на меня.

– У вас есть вопросы, Александр Васильевич?

– Есть, – улынулся я. – Скажите, Эльза Леопольдовна, почему вы не взяли фамилию своего мужа?

– Потому что нельзя отказаться от фамилии Гюнтер ради того, чтобы стать Аладушкиной, – снова ответила вместо Эльзы ее мать. – Это немислимо.

– Почему? – простодушно удивился я.

– Господин Воронцов, вы знаете, кто такие Гюнтеры? – старуха высокомерно вскинула подбородок. – Это древнейший баронский род Восточной Пруссии. Наша родословная насчитывает тридцать поколений.

– Понимаю, – кивнул я.

Генриетта Абелардовна смерила меня долгим подозрительным взглядом, а затем повернулась к Зотову.

– Вы сказали, что проверяете разные версии, господин полковник. И какие же?

– Мы подозреваем, что вашего зятя могли похитить.

– Вот как? – Генриетта Абелардовна насмешливо подняла брови. – Вы считаете, он мог кому-то понадобиться? Позвольте предложить вам другую версию, господин полковник. Я думаю, что Тимофей завел себе любовницу и сейчас отсидивается у нее.

– Что вы говорите, мама? – снова фальшиво всхлипнула Эльза.

Генриетта Абелардовна наградила ее коротким тяжелым взглядом.

– Я знаю, что говорю.

– И у вас есть доказательства? – поинтересовался Зотов.

Он хотел кинуться на спинку кресла, но передумал и остался сидеть прямо.

– А вам нужны доказательства? – невозмутимо парировала Генриетта Абелардовна. – Все мужчины склонны к разврату, это заложено в вашей природе.

Отбрав Зотова, она величественно повернула голову в сторону входной двери.

– Анюта, долго нам ждать чай?

– Несу, мадам, – ответил ей испуганный шепот, и в дверях появилась горничная с подносом.

Когда девушка ставила чашки на стол, я заметил, что ее руки дрожат.

– Не трясись, – бросила ей Генриетта Абелардовна.

Горничная испуганно вздрогнула, и молоко из молочника пролилось на тяжелую скатерть.

– Прошу прощения, мадам, – прошептала горничная. – Я все уберу.

– Пошла прочь! – не повышая голоса, распорядилась Генриетта Абелардовна. – Еще одна такая оплошность, и ты будешь уволена.

– И пожалуйста, – отворачиваясь, произнесла девушка одними губами.

Генриетта Абелардовна ничего не заметила, но я прекрасно расслышал слова горничной.

– Прошу вас, господа, пейте чай, – обратилась старуха к нам. – Берите печенье.

Ее гостеприимство было таким же фальшивым, как скорбь ее дочери. Но я сделал вид, что мне все нравится, и взял из вазочки печенье.

И тут же поймал на себе взгляд брата Эльзы. Он смотрел на меня с каким-то хищным интересом.

– А чем вы занимаетесь, Генрих Леопольдович? – спросил я.

– Мой сын – владелец похоронного бюро, – ответила Генриетта Абелардовна.

– Не очень веселая профессия, – посочувствовал я.

– Ну что вы, граф! – неожиданно возразил Генрих Леопольдович.

Голос у него был высоким и скрипучим. Он наклонился вперед и прищурился, словно стараясь разглядеть меня получше.

– У меня очень интересная работа. Знаете ли вы, сколько людей умирает каждую неделю, подавившись печеньем?

Никита Михайлович к этому времени тоже успел взять печенье из вазочки. Услышав слова Генриха, он раздраженно швырнул печенье на скатерть. Но промахнулся, и печенье упало на пол.

Зотов наклонился, чтобы поднять печенье, но Генриетта Абелардовна остановила его.

– Оставьте, господин полковник. Горничная потом приберет. Давайте обсудим, как вы собираетесь искать Тимофея.

– Эльза Леопольдовна, я прошу вас ответить честно, – откашлявшись, обратился Зотов к жене Аладушкина. – Вы тоже считаете, что ваш муж может скрываться у другой женщины?

– Может быть, я не права, – снова вмешалась в разговор Генриетта Абелардовна. – Но такую возможность нельзя исключать. Тимофей – порядочный тюфяк, но даже в самом безобидном мужчине всегда таится дьявол.

– Я спрашивал не вас, а Эльзу Леопольдовну, – остановил ее Зотов, и в его голосе явно прозвучало раздражение.

– Эльза – дурочка, – ничуть не смутилась Генриетта Абелардовна. – Что она может знать? Я знаю все, что происходит в этом доме.

– Поэтому вас называют ведьмой? – как ни в чем не бывало спросил Зотов.

– Ведьмой? – удивилась Генриетта Абелардовна.

Впервые за время нашего разговора она улыбнулась. Эта улыбка была очень неприятной.

– Те, кто так говорит, просто боятся меня. Ну и пусть. Боятся – значит уважают.

Видно, терпение Зотова подошло к концу, и он решил сменить тему.

– Скажите, ваш муж приносил домой со службы какие-нибудь документы? – спросил он, упорно обращаясь к Эльзе.

Жена Аладушкина подняла голову и растерянно захлопала глазами.

– Документы? – переспросила она. – Может быть, я не знаю. Никогда не видела.

– А что скажете вы, Генриетта Абелардовна? – Зотов слегка повернул голову.

– Я тоже ничего подобного не замечала, – с явным сожалением ответила старуха. – Служебными вопросами Тимофей всегда занимается в своем кабинете, и никто, кроме него, туда не входит.

– Даже вы? – удивился Зотов.

Генриетта Абелардовна прикусила нижнюю губу и промолчала.

– Как вы думаете, мой муж мог погибнуть? – внезапно спросила Эльза. – Может быть, он свел счеты с жизнью? Как вы считаете, господа?

Она поочередно смотрела то на меня, то на Никиту Михайловича.

Я заметил, что Эльза упорно не называет своего мужа по имени. А еще мне показалось, что она спрашивает о гибели мужа с надеждой, и я не сразу поверил своим ушам.

– А у него были причины для такого поступка? – поинтересовался Зотов.

– Мужчинам не нужны причины для глупых поступков, – снова не сдержалась Генриетта Абелардовна. – Они совершают глупости при любой возможности.

– Я сомневаюсь, что господин Аладушкин покончил с собой, – покачал головой Зотов. – Не забывайте, пока мы считаем, что его похитили.

– Но тогда похитители могли его убить! – воскликнула Эльза.

Нет, я не ошибся, она и в самом деле спрашивала с надеждой. Конечно, Эльза Леопольдовна пыталась это скрыть, вот только получалось у нее плохо.

– Если вы хотите знать статистику... – скрипучим голосом начал Генрих Леопольдович.

– Не хочу, – оборвал его Зотов. – Мы теряем время. Вы говорите, господин Аладушкин всегда работал в своем кабинете? Я хочу осмотреть кабинет. У вас есть запасной ключ?

– Нет, – с сожалением ответила Генриетта Абелардовна.

– Значит, придется вскрыть дверь, – твердо сказал Никита Михайлович, поднимаясь на ноги.

Генриетта Абелардовна тоже встала и смирила Зотова взглядом.

– И у вас есть разрешение?

– Разумеется, – в тон ей ответил Зотов. – Я сам себе его выдал. Будьте любезны, покажите кабинет.

***

Разумеется, все остальные тоже отправились за нами.

Никита Михайлович приложил руку к замку. Замок жалобно скрипнул, и дверь открылась.

Я принюхался в комнате, едва заметно пахло жжёной бумагой.

– Ваш муж курит? – спросил я Эльзу Леопольдовну.

– Никогда, – снова ответила вместо нее Генриетта Абелардовна. – Это вредно для здоровья окружающих.

Мы с Никитой Михайловичем тщательно осмотрели кабинет Аладушкина, но не нашли ничего.

Вообще ничего.

Никаких документов, бумаг, писем или даже небрежных записей на клочке бумаги.

В ящиках письменного стола было пусто. Между страницами книг в книжном шкафу ничего не было выложено. Только немного пепла в пепельнице.

Совсем немного. Как будто Аладушкин сжег там небольшую записку.

– А чем вызван этот обыск? – холодным голосом поинтересовалась Генриетта Абелардовна. – Вы считаете, что Тимофей мог хранить у себя дома секретные документы?

Эльза Леопольдовна широко раскрытыми глазами посмотрела на нас.

– А что, если он украл документы и сбежал? Это же преступление? Если его поймают, то приговорят к казни?

Никита Михайлович недоверчиво посмотрел на нее.

– Эльза Леопольдовна, мне показалось, или вы рады этому обстоятельству? Впрочем, кое-какие причины для радости у вас есть. Если ваш муж преступник, вам не придется тратиться на похороны. Государственных преступников хоронят за счет казны.

Владелец похоронного бюро Генрих Леопольдович Гюнтер призывительно фыркнул. Было видно, что его задела слова Зотова.

– Что ж, если вы ничего не нашли, мы можем продолжить разговор в гостиной, – предложила Генриетта Абелардовна.

– Прошу вас, господа.

Мы вернулись в гостиную, но по пути произошло кое-что неожиданное.

Эльза Леопольдовна вдруг оказалась рядом со мной и попыталась взять меня за руку.

Я почувствовал, что ее пальцы холодны как лед.

– Господин Воронцов, вы можете что-нибудь сделать для нас? – надломленным голосом спросила она.

– Что именно? – изумленно поинтересовался я, убирая руку.

Эльза призывно посмотрела на меня.

– Вы же дворянин! Вы можете защитить слабую женщину от этих ужасов.

Такого напора я от нее не ожидал. Но все-таки не растерялся. Интересно, как далеко она зайдет?

– У меня уже есть женщина, которую я поклялся защищать, – ровным голосом ответил я. – А вот господин Зотов занят только службой. Попробуйте обратиться к нему.

– Правда? – спросила Эльза, хлопая ресницами.

Когда мы вернулись к столу, она села так, чтобы оказаться рядом с Зотовым. И тут же заговорила с ним.

– Я умоляю вас, господин полковник, защитите нас! Даже если мой муж в чем-то виновен, то мы здесь совершенно ни при чем. Прошу вас, помогите! Я буду так благодарна вам, так благодарна.

Теперь она попыталась взять за руку Зотова, но Никита Михайлович был начеку.

– Нам пора, – вставая, сказал он. – Если у меня появятся еще вопросы, я вызову вас в управление.

– Мышь! – вдруг пронзительно взвизгнула Эльза. – Мышь!

Она вскочила с ногами в кресло, а из-под стола испуганно метнулся маленький серый комочек.

Генриетта Абилардовна взмахнула левой рукой. Раздался громкий треск, и в воздухе запахла гроза.

Крошечная ослепительно яркая молния ударила в пол, но зверек вовремя увернулся и благополучно юркнул в угол.

– Проклятые крысы! – процедила Генриетта Абелардовна. – Так вы уже уходите, господа?

– Мы приложим все усилия, чтобы разыскать господина Аладушкина, – кивнул Зотов.

– И примерно наказать, если он виновен, – ледяным тоном добавила Генриетта Абелардовна. – Я почти не сомневаюсь в том, что он преступник.

Жена Аладушкина снова театрально всхлипнула.

– Бедное дитя! – бросила в ее сторону госпожа Гюнтер. – Анюта, проводи гостей!

***

Горничная все так же смотрела в пол. Но когда она подавала мне пальто, я заметил, что губы девушки крепко сжаты.

– Вы живете здесь? – спросил я ее.

Горничная молча покачала головой, затем выдавила:

– Нет. Я снимаю угол.

– Я хочу поговорить с вами о вашем пропавшем хозяине, – улыбнулся я, – но не сейчас и не здесь. Я живу на Каменном острове. Вы можете приехать ко мне в любое удобное для вас время. Сейчас я запишу вам адрес.

– Не нужно, – прошептала девушка. – Все знают, где живет господин Тайновидец. Я приду сегодня вечером, сразу же, как только освобожусь.

***

– Зачем вы натравили на меня эту истеричку? – возмущенно спросил Зотов, когда мы с ним вышли на лестницу. – В голове не укладывается! У этой госпожи Гюнтер только что пропал муж, а она пытается соблазнить меня.

– Сначала она попробовала со мной, – улыбнулся я. – И мне захотелось посмотреть, как далеко она пойдет. Это было нужно в интересах дела, Никита Михайлович.

– Ну, и семейка, – покачал головой Зотов.

– От такой родни кто угодно сбежал бы на край света, – добавил я. – Может быть, нам и не нужно искать господина Аладушкина?

– Нужно, – не согласился со мной Никита Михайлович. – Хотя бы для того, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. К тому же мне в любом случае придется как-то объяснить императору его исчезновение. Не удивлюсь, если эта старуха отправила своего зятя на тот свет.

– Куда теперь? – спросил я, когда мы вышли на улицу.

– В Министерство иностранных дел, – ответил Зотов. – Наша работа только начинается, пора потревожить господ чиновников.

Голос его звучал жестко.

– Вы ведь тоже чиновник, Никита Михайлович, – рассмеялся я.

– Да, – неожиданно согласился Зотов. – И знаете, что я вам скажу? Мне это не очень нравится. Вы счастливый человек, Александр Васильевич, имейте это в виду. Если я буду звать вас к себе на службу, ни за что не соглашайтесь. Едем!

Глава 4

– Поделитесь своими соображениями, Александр Васильевич, – предложил Зотов, вырубившая на Суворовский проспект. – Что вас больше всего заинтересовало в этом деле?

– Возраст господина Аладушкина, – честно ответил я. – У него, можно сказать, молодая жена. А самому Аладушкину должно быть уже пошел седьмой десяток.

– С чего вы это взяли? – удивился Никита Михайлович.

– Мой дед рассказал мне, что они с Аладушкиным познакомились во время учебы, – объяснил я. – В таком случае у них должна быть очень небольшая разница в возрасте.

– Не может быть, – недоверчиво нахмурился Зотов. – Сам я с Аладушкиным не знаком. Но никто из свидетелей не описывал Аладушкина как старика.

– Ну, Игорь Владимирович тоже далеко не старик, – возразил я.

– Разумеется, – кивнул Зотов. – У меня и в мыслях не было задеть вас.

– И все-таки с возрастом Аладушкина какая-то путаница, – продолжил я. – Может быть, это ничего не значит. Но лучше все прояснить.

Я откинулся на спинку кресла и послал зов Игорю Владимировичу.

– Вы упомянули, что учились вместе с господином Аладушкиным, – сказал я. – Но я только что познакомился с его супругой. Вряд ли ей намного больше тридцати. Ваш приятель так поздно женился?

– Да, Эльза Леопольдовна – вторая жена Тимофея, – ответил дед. – Лет восемь или десять назад он овдовел и женился второй раз.

– Тогда все сходится, – улыбнулся я. – И Тимофей Аладушкин ваш ровесник?

– Не совсем так, – к моему удивлению возразил Игорь Владимирович. – Тимофей на десять лет моложе меня.

– Как же вы могли вместе учиться? – изумился я.

– Это очень любопытная история, – ответил дед. – Я как раз перешел на выпускной курс, когда Аладушкин только-только поступил в Императорскую Магическую академию. Ему тогда было всего одиннадцать. Эта история наделала немало шума. Но у Тимофея выдающиеся, исключительные способности. Гимназию он окончил за три года. Да и в Академии многие предметы сдавал экстерном.

– Ничего себе, – поразился я. – Так господин Аладушкин не просто рядовой чиновник, а гений, можно сказать?

– Очень может быть, – согласился Игорь Владимирович.

– А как вы с ним познакомились? – с любопытством спросил я.

– Да очень просто. В академии Аладушкин, несмотря на возраст, быстро стал одним из лучших учеников. Как ты догадываешься, не всем его сокурсникам это нравилось. Они считали, что преподаватели ставят им в пример соплика. Тимофей, к тому же, приехал откуда-то из провинции и жил не у себя дома, а в спальном корпусе. Ему не было покоя ни днем, ни ночью. Вот я и взял его под свою защиту.

– Вы уже тогда знали, что он далеко пойдет, – улыбнулся я.

– Ничего я не знал, – весело расхохотался дед. – Но пацан мне понравился. Я рад, что не ошибся в нем.

– Спасибо, теперь для меня все прояснилось, – поблагодарил я. – Этот вопрос не давал мне покоя.

– А как продвигаются ваши поиски? – поинтересовался Игорь Владимирович. – Догадываюсь, что Тимофея вы еще не нашли, иначе ты бы мне уже сообщил. Но хоть что-то вы обнаружили?

– Дворник из Таврического сада видел, как Аладушкин садился в мобиль с каким-то незнакомцем, – ответил я. – Кроме того, мне посчастливилось познакомиться с семьей Тимофея Григорьевича.

– Тягостное впечатление, да? – понятиливо спросил дед. – Особенно хорош этот Генрих, братец его жены.

– Вы удивились, когда Аладушкин женился на Эльзе Леопольдовне? – спросил я.

– Удивился – не то слово, – ответил дед. – Я был изумлен. Попытался осторожно расспросить Тимофея о причинах такого странного решения. Но он все-таки обиделся. Сказал, что влюблен в Эльзу, и вообще это не мое дело. Но на свадьбу меня все же пригласили. Я до сих пор считаю, что это очень странный выбор и не менее странная свадьба. Гюнтеры приехали в столицу всего за два месяца до знакомства с Тимофеем.

– А откуда они приехали? – поинтересовался я.

– Из Восточной Пруссии, там есть городок Пиллау на побережье Балтики.

– Интересно, – задумчиво протянул я.

Видимо, я произнес это вслух. Никита Михайлович заинтересованно покосился на меня.

– Саша, ты уж сообщи мне, если будут какие-то новости, – попросил Игорь Владимирович.

– Непременно, – пообещал я. – Сейчас мы как раз едем в Министерство иностранных дел. Хотим побеседовать с коллегами господина Аладушкина.

– Удачи вам, – пожелал дед и попрощался.

– Что вам удалось узнать? – поинтересовался Зотов, когда я закончил разговор с дедом.

– Оказывается, господин Аладушкин в молодости был исключительно одарен, – ответил я. Ему было всего одиннадцать, когда он поступил в Императорскую магическую академию. При этом у паренька не было никаких связей в Столице. Он приехал откуда-то из провинции.

– Чудеса, – согласился Зотов. – Но и такое иногда случается.

– А чем конкретно занимается Тимофей Григорьевич в управлении в Министерстве иностранных дел? – спросил я.

– В его ведении находятся дипломатические отношения с Прусской империей, – ответил Зотов.

Я восхищенно покрутил головой.

– Любопытно, очень любопытно. И при этом семья его жены родом из Восточной Пруссии.

– Да, это наводит на определенные подозрения, – согласился Никита Михайлович. – Непростое дело нам досталось, господин Тайновидец. Чувствую, разбираться в нем придется долго и упорно.

Мы медленно ехали вдоль здания Министерства. Потом нашли свободное местечко, чтобы припарковаться. Зотов остановил мобиль.

– Приехали.

***

В огромном вестибюле Министерства иностранных дел дежурили два молчаливых гвардейца. Разумеется, они узнали Зотова и пропустили нас без лишних вопросов.

Но Никита Михайлович недовольно покачал головой.

– Лучше бы эти молодцы несли службу на проспекте. Тогда Аладушкина было бы не так-то легко похитить.

– Пожалейте солдат, Никита Михайлович, – улыбнулся я. – На улице мороз.

Зотов серьезно посмотрел на меня.

– В делах государственной важности нельзя поддаваться жалости, Александр Васильевич.

Из конца в конец вестибюля то и дело пробегали служащие Министерства иностранных дел. Все они держали в руках бумаги и имели чрезвычайно озабоченный вид.

Зотов попытался остановить кого-то из них – он хотел узнать, где находится канцелярия, в которой служит Аладушкин. Но толку не добился. Служащие просто отмахивались от него, как от назойливой мухи, ссылаясь на незнание и неотложные дела.

– Что за бардак здесь творится? – наконец вскипел Никита Михайлович. – Видно, придется обращаться за разъяснениями к самому министру.

Он тут же исполнил свою угрозу и закрыл глаза, посылая кому-то зов. Но и здесь Никиту Михайловича поджидала неудача.

– Министр на совещании у императора, – прорычал он. – А его секретарь ничего не знает. Но я им устрою!

– Погодите, – оглядываясь по сторонам, остановил я Зотова. – Видите?

С левой стороны огромного вестибюля располагался гардероб, а в нем скучал старенький гардеробщик. Он облокотился на высокую резную стойку и разглядывал нас с добродушной улыбкой.

– Давайте спросим у гардеробщика, – предложил я. – Может быть, он знает, куда нам нужно идти?

Моя догадка оказалась верной. Выслушав меня, гардеробщик оживился.

– Так вам в кондитерскую надо, – объяснил он. – Это на втором этаже, слева от лестницы, двести шестой кабинет.

– В кондитерскую? – удивился я.

– В кондитерскую? – кивком подтвердил гардеробщик. – Найдете там Евсея Пряникова. Он помощник господина Аладушкина. Евсей с утра на службе, я у него пальто принимал.

– Пряников и Аладушкин? – рассмеялся я. – И верно, кондитерская.

– Второй этаж, слева от лестницы, кабинет двести шесть, – недовольно повторил Никита Михайлович. – Идемте, господин Воронцов.

Мы поднялись на второй этаж и быстро отыскали нужную дверь. Я удивленно принял – из-за двери пахло чаем и корицей.

Никита Михайлович тоже уловил запах и насмешливо поднял брови.

– Кондитерское, значит?

– Постучим? – предложил я.

– Вот еще!

Зотов дернул плечом, взялся за ручку и потянул дверь.

Мы оказались в небольшом кабинете. Он, несмотря на казенный вид, выглядел очень уютно, как-то даже по-домашнему. Возможно, такое впечатление складывалось из-за пестрых ситцевых занавесок на окнах. А может быть, из-за пузатого медного самовара, который приветливо дымил на одном из столов.

Вокруг самовара хлопотал полный человек. Он был обут в меховые тапочки и сейчас как раз заваривал чай, наливая кипяток из носика самовара в фарфоровый чайник. Человек был настолько поглощен своим важным занятием, что даже не заметил, как мы вошли.

– Господин Пряников? – строго спросил Никита Михайлович.

Пряников вздрогнул от неожиданности и испуганно посмотрел на нас.

– Да, – кивнул он. – Евсей Митрофанович Пряников. Вы к Тимофею Григорьевичу? Его сейчас нет.

– Знаю, – коротко ответил Зотов. – Мы как раз занимаемся его поисками. Я начальник Тайной службы, а это граф Воронцов. Он помогает мне вести расследование. У нас к вам есть несколько вопросов, господин Пряников.

– Хотите чаю, господа? – справившись с собой, предложил Пряников. – Настоящий, цейлонский. Могу угостить вас пряниками, я беру их только у купца Солодова. Тимофей Григорьевич очень любит такие пряники. Хотите?

Я изо всех сил старался сдержать смех. Все-таки мы пришли по делу государственной важности.

– Спасибо, обойдемся без чая, – сухо ответил Никита Михайлович.

Но я с ним не согласился.

– А я выпью, с вашего позволения. Мне кажется, будет правильно получше изучить привычки господина Аладушкина. Вдруг это поможет в расследовании?

– Вы так думаете? – недоверчиво спросил Зотов.

Но затем подумал и кивнул.

– Хорошо, вы правы. В таком сложном деле может иметь значение каждая мелочь.

Чай и в самом деле оказался очень вкусным. Несмотря на крепость, он почти не горчил. Пряников любезно предложил нам сахар, но мы с Никитой Михайловичем дружно отказались.

– Перейдем к делу, – сказал Зотов, поставив чашку на стол. – Итак, вы уже знаете, что ваш начальник пропал. Поиски могут затянуться. В это время кто-то должен будет исполнять его обязанности. Я хочу знать, кто.

– Наверное, я, – опустив глаза, неуверенно ответил Пряников.

Лицо его стало скучным.

– Вы не рады? – удивился я. – Все-таки это повышение в должности.

– А чему тут радоваться, ваше сиятельство? – вздохнул Евсей Митрофанович. – Вся ответственность теперь на мне будет. Вся переписка с посольством в Пруссии. А если к его величеству послы приедут и меня вызовут во дворец? Я и язык-то прусский плохо знаю. Читаю хорошо, а вот говорю через пень-колоду.

Он смущенно покраснел.

– Почему же Аладушкин назначил вас своим помощником? – удивился Зотов.

– Я исполнительный, – простодушно объяснил Пряников. – Да и работа простая. Тимофей Григорьевич все бумаги сам просматривает. На письма сам отвечает. А мне остается только документы подшивать да в лавку за пряниками и чаем бегать.

– Вот на что уходит казенное жалование, – жестко усмехнулся Никита Михайлович.

Затем он впился в Пряникова хищным взглядом.

– И все-таки... Предположим, что господин Аладушкин пропал бесследно. Может так случиться, что вас назначат на его место.

Наверное, – испугался Пряников.

– Может, – удовлетворенно кивнул Никита Михайлович. – Я-то знаю, какой бардак творится в наших ведомствах. А что значит для вас новое назначение?

Он замолчал, глядя на Пряникова. Пряников втянул голову в плечи, боясь отвести взгляд от строгого лица Никиты Михайловича.

– Что?

– Новое жалование это означает, – объяснил Зотов. – Куда побольше вашего. И новый ранг, так ведь? Вы кто у нас в табеле о рангах?

– Коллежский секретарь, – прошептал Пряников.

– Ну вот, – довольно кивнул Зотов. – А поднимитесь до советника. Перспектива, не так ли?

Светлые глаза Пряникова радостно вспыхнули.

– Выходит так, ваше высокоблагородие. Что же получается, я сам себе смогу помощника нанять? И он теперь будет в лавку бегать?

– К этому я и клоню. Так может быть вы причастны к исчезновению вашего начальника?

Зотов продолжал давить на Пряникова, но я чувствовал, что Никита Михайлович разочарован. Вряд ли простодушный Пряников, мог организовать похищение Аладушкина.

– Я? – испугался Пряников. – Да вы что, ваше высокоблагородие?

– Не знаю, не знаю...

Никита Михайлович жестко усмехнулся. Эта усмешка повергла Пряникова в ужас.

– Допустим, вы здесь ни при чем, – неохотно кивнул Зотов. – Но вы можете что-нибудь знать. Вот вам вопрос. Приезжал ли когда-нибудь к Аладушкину широкоплечий мужчина на сером мобиле?

– Сюда, в министерство? – окончательно запутался Пряников.

– Ну не домой же, – поморщился Зотов. – Разумеется, сюда.

– Так посторонних в министерство не пускают, – с облегчением сообщил Пряников. – Гвардейцы внизу у всех документы проверяют.

– Значит, необычных посетителей не было?

– Не было. – Пряников решительно замотал лысеющей головой, стараясь выглядеть убедительным.

– Допустим, – не желал сдаваться Никита Михайлович. – Поговорим о другом. Есть у вас здесь секретные документы?

– Есть, ваше высокоблагородие, – сразу же выпалил Пряников. – Только вы уж простите, но рассказывать о них я не могу. Не имею права.

– Это и не нужно, – успокоил его Зотов. – Где они хранятся?

– В сейфе Тимофея Григорьевича. Вот.

Пряников указал в угол кабинета. Там возвышался массивный сейф, выкрашенный серой краской.

– Ключ от сейфа у вас есть? – поинтересовался Зотов.

– Нет. – Пряников снова замотал головой. – Ключ только у Тимофея Григорьевича. А дубликат в канцелярии министерства. Но мне его не выдадут, не положено.

– Хорошо, – разочарованно поморщился Зотов. – А остальные бумаги? Те, на которых нет грифа секретно? Где они хранятся?

– В архиве, вот здесь.

Пряников показал на неприметную дверь, которая находилась за его спиной.

– Откройте, – распорядился Зотов, поднимаясь из-за стола.

– Сию минуту!

Пряников растерянно похлопал себя по карманам. Наконец он отыскал ключ и открыл дверь. В архиве пахло пылью и мышами. На стеллажах беспорядочными горами громоздились папки с документами.

– Это что за бардак? – изумился Зотов. – Как прикажете здесь разбираться?

– Так, Тимофей Григорьевич здесь каждую папочку знает, – объяснил Пряников. – Если что понадобится, он мне так и говорит: Принеси-ка, Евсей, синюю папку с третьего стеллажа, она на второй полке лежит.

– Допустим, – согласился Зотов. – Может быть, Аладушкин здесь и разбирается. А вы?

– А что я? – снова испугался Пряников. – Мое дело маленькое – приказы исполнять.

– В таком случае, слушайте приказ. Даю вам два дня на то, чтобы навести в архиве образцовый порядок. Каждая бумажка должна лежать на своем месте. Так чтобы и ребенок разобрался. Если заметите, что какие-то документы отсутствуют, сразу же присылайте зов лично мне.

В голосе Никиты Михайловича зазвучал металл. Пряников выпрямился и попытался втянуть живот.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

– Два дня, – строго повторил Зотов. – Лично проверю.

Он взглянул на меня.

– У вас есть еще вопросы, Александр Васильевич?

Я пожал плечами.

– Только один. Господин Пряников, вы знакомы с супругой Аладушкина?

– Нет, – удивился Пряников моему вопросу. – Тимофей Григорьевич никогда не приглашал меня к себе домой.

– Жаль, – улыбнулся я. – Всего вам хорошего и спасибо за чай. Постарайтесь разобраться с документами как можно быстрее. Этим вы очень поможете следствию.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – повторил Пряников.

Затем через открытую дверь тоскливо покосился на стол, где остывал его недопитый чай.

***

– Вряд ли этот Пряников причастен к пропаже Аладушкина, – сказал Зотов, когда мы вышли из министерства и сели в мобиль. – Слишком уж он простодушен.

– Думаю, вы правы, – согласился я.

– Мне нужно вернуться в управление. Разберусь с текущими делами, подумаю над тем, что мы сегодня узнали. А вы чем займетесь, Александр Васильевич?

– Поеду домой, – улыбнулся я. – Темнеет, и Лиза ждет меня к ужину. К тому же я надеюсь, что сегодня меня навестит горничная господ Гюнтер. Может быть, она расскажет что-то интересное о своих нанимателях?

– Да, горничная, – вспомнил Зотов. – Хотел бы я допросить ее вместе с вами.

– Так приезжайте, – предложил я. – Задержу ее под каким-нибудь подходящим предлогом.

– Может быть, и приеду, – кивнул Никита Михайлович. – В любом случае, Александр Васильевич, я прошу вас подробно записать ее показания. И сразу же сообщить мне, если узнаете что-нибудь интересное.

– Конечно, Никита Михайлович, – улыбнулся я.

В этот момент мне прислал зов лично Его Величество Император.

– Добрый вечер, Александр Васильевич, – вежливо поздоровался он. – Мне нужно с вами поговорить. Когда вы сможете прибыть во дворец?

– Прямо сейчас, – удивленно ответил я. – Мне нужно минут десять, чтобы добраться.

– Замечательно, – обрадовался император. – Вас встретят и проводят в мой кабинет.

– Что еще случилось? – проворчал Зотов, глядя на удивленное выражение моего лица.

– Меня вызывает к себе император, – ответил я. – Видимо, что-то срочное. Подвезете меня во дворец? Вам же все равно по пути.

***

Почетный караул у дворцовых ворот пропустил меня без лишних вопросов. Придворный, который поджидал на крыльце, встретил едва ли не дружески.

– Прошу за мной, Александр Васильевич, – радостно улыбаясь, предложил он.

Кажется, я стал своим человеком в императорском дворце. Ну, надо же!

– Как здоровье тетушки императора? – весело спросил я, когда мы поднимались по мраморной лестнице.

Придворный чуть не споткнулся от удивления.

– Великая княгиня чувствует себя прекрасно, – дипломатично ответил он. – Прошу за мной, Его Величество примет вас в своем кабинете.

Стол в кабинете императора был накрыт к чаю.

– Присоединяйтесь, Александр Васильевич, – поздоровавшись со мной, предложил Его Величество.

– Благодарю вас от всей души, но вынужден отказаться, – улыбнулся я. – Меня угощали чаем господа Гюнтер, а затем господин Пряников – это помощник господина Аладушкина. Так что еще одна чашка в меня просто-напросто не влезет.

– Какая разнообразная у вас работа, – рассмеялся император. – А я, как видите, работаю прямо на дому, то есть во дворце. Это очень удобно, но временами скучно.

– Думаю, многие подданные Империи позавидовали бы вам, – стараясь сохранить серьезное выражение лица, ответил я.

– Уверен, вы правы, – расхохотался император. – Что ж, вижу, вы включились в расследование. Это очень хорошо. Важно найти Аладушкина как можно быстрее. У нас на счету буквально каждый день.

– Могу я спросить, почему это так важно? – поинтересовался я.

– Мы собираемся подписать новый мирный договор с Пруссией, – ответил император. – И советник Аладушкин должен участвовать в этой процедуре.

Его Величество отвернулся и посмотрел в окно, заложив руки за спину. За окном сияла разноцветными магическими огнями Дворцовая площадь.

Я удивленно смотрел в спину императора. Кажется, Его Величество о чем-то недоговаривает. Да нет, не кажется. Так оно и есть.

Проверяет мои способности?

– Ваше Величество, я чувствую, что вы хотите о чем-то мне рассказать, – осторожно сказал я. – Можете быть уверены, я сохраню в тайне все, что услышу от вас. Любые сведения помогут нам найти господина Аладушкина.

– Да, – по-прежнему стоя ко мне спиной, кивнул император.

Затем он повернулся и посмотрел на меня.

– Я вам все расскажу, для этого я и попросил вас приехать. Вы что-нибудь знаете про магию удачи, Александр Васильевич?

– Никогда не слышал, – удивился я, – хотя подозреваю, что подобная магия просто обязана существовать. Туннеллонцы как-то сварили для меня зелье удачи. Но я подозреваю, что вы говорите о другом.

– Да, – кивнул император. – Я говорю о врожденной способности притягивать удачу. Такая магия действительно существует, Александр Васильевич, хоть и встречается очень редко.

– И господин Аладушкин обладает подобным даром, – догадался я.

– Верно, – улыбнулся Его Величество. – Поэтому я и позаботился о том, чтобы он служил в Министерстве иностранных дел. Там его дар приносит пользу всей Империи. Есть еще несколько человек с подобным даром. И все они так или иначе служат на благо нашего с вами государства.

– Это очень предусмотрительно, – кивнул я. – Значит, вы надеетесь, что удача господина Аладушкина принесет пользу в переговорах с Пруссией?

– Разумеется, – подтвердил мою догадку император. – Очень важно, чтобы Аладушкин присутствовал на переговорах.

– А что, если Аладушкина похитили для того, чтобы эти переговоры не состоялись? – предположил я. – Такое возможно?

– Разумеется, нет. Переговоры уже назначены и состоятся в любом случае. Вот только результат может быть очень разным.

– Так-так.

Я задумчиво постучал серебряной ложечкой по чашке. Чашка издала долгий певучий звон. Затем я спохватился, что веду себя невежливо, и отложил ложечку.

– Насколько я понимаю, магия удачи может работать в любую сторону. Если Аладушкина похитили, возможно, похитители хотят воспользоваться его удачей в своих целях. И очень может быть, что похитители являются врагами Империи.

– Этого я и опасуюсь, – кивнул Его Величество. – Постарайтесь как можно быстрее найти Аладушкина. И вернуть его живым, Александр Васильевич.

Время было позднее. Император не стал без необходимости затягивать разговор. Через несколько минут я уже спускался по дворцовой лестнице.

Теперь мне было понятно, как Аладушкин умудрился поступить в Императорскую Магическую академию, не имея связей в Столице.

Неясным оставалось другое – как чиновник с его везением мог так неудачно жениться?

Глава 5

– А где Игнат? – удивился я. – Ужинать пора, а его нет.

– А он ружьё покупать пошёл, – сердито ответила Прасковья Ивановна, расставляя тарелки. – Вбил себе в голову эту ерунду про заветную ёлочку. А вы, ваше сиятельство, лучше бы запретили ему о глупостях думать. А вы потекаете, – деньги на ружьё дали.

Она тут же покраснела и добавила:

– Простите, пожалуйста, ваше сиятельство, просто беспокоюсь я.

– Я понимаю, что вы тревожитесь за Игната, Прасковья Ивановна, – улыбнулся я. – Но поймите одну простую вещь: каждый мужчина время от времени должен совершать героические поступки, даже если эти поступки похожи на глупости. Иначе он перестает чувствовать себя мужчиной. Если у Игната появилось такое желание, тут уж ничего поделать нельзя.

– Так ведь он в лес собирается, Александр Васильевич. Да ещё и зимой! А если заблудится?

– А если заблудится, мы его найдём, – рассмеялся я. – У нас с вами есть кладовики, они замечательно умеют отыскивать потерянное. Да и леший не откажется помочь, я уверен.

– А если Игнат на волков набредёт? – не сдавалась Прасковья Ивановна. – Вы знаете, какие волки зимой? Голодные и злющие, да ещё и в стаи сбиваются. Наткнётся такая стая на Игната, и что он будет делать? Ружьём от них отбиваться?

– Может, ружьём, – задумался я. – Но вы правы, Прасковья Ивановна, волки – это дело серьёзное.

И тут мне пришла в голову отличная мысль.

– Придётся, пожалуй, поговорить с одной моей знакомой. Она даст Игнату отличного провожатого. С таким провожатым никакие волки не страшны. Кстати, а давно Игнат ушёл?

– Сразу после обеда, – ответила Прасковья Ивановна. – А на улице уже темно. И где только носит окаянного?

– Что-то он долго, – забеспокоился я.

И чтобы не тревожиться напрасно, тут же послал Игнату зов:

– Ты где?

– Тута я, ваше сиятельство, – ответил Игнат. – Выбрал отменное ружьё, теперь торгуюсь с хозяином. Он несусветную цену ломит и уступать не хочет. А ружьё отличное, как раз то, что надо. Сами увидите!

– Рад слышать, что с тобой всё в порядке, – улыбнулся я. – Ты когда вернёшься-то?

– Сейчас сторгуюсь, да и домой. Вы меня к ужину не ждите, если что, я потом поем.

– Хорошо, – ответил я.

И подмигнул Прасковье Ивановне:

– Видите, беспокоиться не о чем. Скоро Игнат будет дома, да ещё и с обновкой. А что у нас сегодня на ужин?

– Я рыбки нажарила, ваше сиятельство, – ответила Прасковья Ивановна. – Рыбаки на съестном рынке крупных налимов продавали, я и взяла. Рыба хорошая, вкусная, и мелких косточек в ней почти нет. А к рыбе пюре с зелёным луком и укропом.

– Обьедение, – улыбнулся я. – Прасковья Ивановна, вы просто чудо. Думаю, к такому ужину хорошо открыть бутылочку белого вина. Посидим по-домашнему, не торопясь.

В эту минуту на ограде тревожно зазвенели бронзовые колокольчики. Звон был негромким, но мы отлично его расслышали.

Прасковья Ивановна выглянула в окно.

– Кто-то стоит у калитки, ваше сиятельство, – нахмурилась она. – А кто, не могу разобрать.

Дом как будто расслышал её и заботливо приглушил свет магических ламп, чтобы они не отражались в оконном стекле.

Впрочем, почему как будто? Дом и в самом деле отлично слышал наши разговоры.

Я тоже выглянул в окно. Возле калитки неподвижно стояла худенькая фигурка.

Я довольно кивнул. Значит, горничная Тимофея Аладушкина всё-таки решилась прийти поговорить со мной.

Лиза тоже услышала звон колокольчиков и вышла в кухню. Поверх домашнего платья она набросила на плечи тёплый пуховой платок.

– Это ко мне, – объяснил я. – Горничная Тимофея Аладушкина, Анюта. Пойду встречу её, пока девушка окончательно не замёрзла. А ты почему в платке? Холодно?

– Нет, – улыбнулась Лиза, – так просто уютнее.

Лиза вместе со мной вышла на улицу и осталась ждать на крыльце, а я открыл калитку и выпустил горничную. Девушка бросила на меня испуганный взгляд и сразу же опустила глаза.

– Я опоздала, ваше сиятельство? – тихо спросила она. – Простите, но раньше я никак не могла прийти.

– Вы что-нибудь ели сегодня? – поинтересовался я.

– Не успела, – прошептала горничная. – Я только посуду вымыла после обеда, и сразу к вам.

– В таком случае вы пришли как раз вовремя. Мы собираемся ужинать, и я приглашаю вас присоединиться к нам. Идёмте.

Когда мы подошли к крыльцу, Анюта заметила Лизу и снова остановилась.

– Познакомьтесь, – сказал я. – Это Елизавета Фёдоровна, моя супруга. А это Анюта, горничная Тимофея Аладушкина.

– Очень приятно, – улыбнулась Лиза. – Не бойтесь, Анюта, Александр Васильевич вас не укусит.

– Я пригласил Анюту поужинать с нами.

– Конечно, – кивнула Лиза. – Я скажу Прасковье Ивановне, чтобы она поставила ещё одну тарелку.

В прихожей я помог Анюте снять пальто, и от этого она смутилась ещё больше. Пальто было старенькое, да к тому же осеннее. Холодный зимний ветер наверняка продувал его насквозь. Да и без того было видно, что девушка сильно замёрзла.

– Лиза, скажи Прасковье Ивановне, чтобы достала рябиновую наливку, – попросил я. – Уверен, одна рюмочка нашей гостье не повредит.

За ужином Анюта сильно нервничала. Она сидела на краешке табурета и смотрела только в свою тарелку. Но я всё-таки убедил девушку выпить рюмку наливки, и это подействовало. На щеки горничной вернулся румянец.

Я специально не торопился с расспросами и разговаривал с Лизой и Прасковьей Ивановной о домашних делах. А сам незаметно наблюдал за Анютой и заметил, что она бросала по сторонам быстрые любопытные взгляды.

– Не удивляйтесь тому, что мы ужинаем все вместе, – улыбнулся я. – У нас в доме так принято.

– Да, – подтвердил Фома, весело болтая ногами. – Ваше сиятельство, вы не знаете, как ворону прогнать?

– Какую ворону? – не понял я.

– Которая в кормушку лазит, – объяснил Фома. – Я сегодня в саду повесил кормушку для птиц, а туда ворона повадилась прилетать. Всех пичуг разогнала и давай корм таскать. Я её прогнал, а она на дерево уселась и начала каркать. Да чего вредная!

– А ты сделай кормушку поменьше, – предложил я, – такую, чтобы ворона туда не поместилась.

– Верно, – загорелся Фома, – это вы хорошо придумали, ваше сиятельство.

Анюта изумлённо смотрела на нас, удивляясь нашей непринуждённой болтовне.

– Что ж, время позднее, – кивнул я, наливая себе кофе, – поэтому поговорим о деле. Вам удобнее спуститься в кабинет или хотите остаться здесь?

– А можно здесь, ваше сиятельство? – спросила Анюта, осмелившись поднять на меня взгляд.

– Конечно, можно, – улыбнулся я. – Будем пить чай и разговаривать. Вы уже знаете, что мы ищем пропавшего господина Аладушкина. Пока мы не знаем, что могло с ним случиться, и нам пригодятся любые сведения. Вы можете что-нибудь рассказать?

– Тимофей Григорьевич очень хороший человек, – ответила Анюта, – и добрый, не то что остальные. Только я не знаю, что с ним могло случиться. А вы как думаете, он жив?

– Надеюсь, – серьёзно кивнул я. – Вы очень поможете Тимофею Григорьевичу, если ответите на все мои вопросы.

Тут я вспомнил просьбу Никиты Михайловича и попросил Лизу:

– Ты можешь записать наш разговор? Я потом передам эти записи Никите Михайловичу.

Лиза спустилась в кабинет за пером и бумагой. Когда она вернулась, Анюта с тревогой посмотрела на неё.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся я, – ваши хозяева эти записи не увидят. Почему вы их так боитесь?

– Вы же были в этом доме, – ответила Анюта. – Значит, сами всё понимаете. Вы знаете, как другие жильцы называют Генриетту Абелардовну?

– Знаю, – улыбнулся я, – ведьмой.

– Вот-вот, – решительно кивнула девушка, – и не зря.

– Так Генриетта Абелардовна действительно занимается магией? – насторожился я.

– При мне она ничего такого не делала, – замотала головой Анюта. – Но однажды я зашла в её комнату, чтобы прибраться, а Генриетта Абелардовна была там, и она занималась таким...

Анюта замолчала и прикусила нижнюю губу.

– Не бойтесь и рассказывайте, – подбодрил я её. – Что именно делала Генриетта Абелардовна?

– Она разложила на кровати шерстяную шаль и резала её ножницами на маленькие квадратики, – понизив голос, сказала Анюта. – А когда я вошла, она так сердито на меня посмотрела и крикнула, чтобы я убиралась вон.

– Резала шерстяную шаль на квадратики? – изумился я. – Интересно, зачем?

– Этого я не знаю, – замотала головой Анюта. – Я сразу выскочила из комнаты и больше ничего не видела. Но мне было так страшно.

– На вашем месте кто угодно испугался бы, – согласился я. – Ну, хорошо. А что вы можете сказать о сыне Генриетты Абелардовны? Он тоже показался мне странным.

– У Генриха Леопольдовича похоронное бюро, – ответила Анюта. – И он сам там всем занимается. Ну, вы понимаете? У него даже помощника нет, только плотник и всё.

– Странное увлечение, – удивился я.

– А ещё он делает чучела, – добавила Аня. – Ему привозят убитых зверей, а он набивает их ватой и вставляет стеклянные глаза. Они потом смотрят так страшно. И запах в его комнате отвратительный, кислый такой.

– Запах? – переспросил я. – Откуда?

– Это шкуры так пахнут, Александр Васильевич, – вмешалась Прасковья Ивановна, которая внимательно слушала наш разговор. – Мы с первым мужем-покойником раньше возле гавани жили, и в нашем доме была скорняжная мастерская, так оттуда вечно кислым пахло. Меховики шкуры кислотой мажут, чтобы не прели.

– Понятно, – сообразил я. – Аня, а что вы можете сказать о супруге господина Аладушкина?

– Она его не любит, – быстро ответила Аня. – Вышла за Тимофея Григорьевича только из-за денег и столичной квартиры. А Генриетта Абелардовна Тимофея Григорьевича терпеть не может, жизни ему не даёт.

Аня старалась смотреть на меня, но её взгляд то и дело притягивало самопишущее перо, которое само собой бегало по бумаге, покрывая её ровными строчками.

Я улыбнулся. Даже самая простая магия всегда завораживает.

Лиза тоже заметила интерес Ани и дружески кивнула ей.

– Не беспокойтесь, эти записи мы отдадим только начальнику Тайной службы и больше никому.

– Я не боюсь и расскажу всё, что знаю, – ответила Аня. – Я очень хочу, чтобы вы нашли Тимофея Григорьевича.

– А как вы думаете, родственники господина Аладушкина могут быть причастны к его пропаже? – спросил я.

Горничная задумалась, затем покачала головой.

– Нет, это не они. Сегодня после вашего ухода они долго совещались в гостиной, и я кое-что слышала. Они не знают, куда делся Тимофей Григорьевич, но очень не хотят, но очень не хотят, чтобы он вернулся.

– Надеются получить наследство? – усмехнулся я.

– Ну, конечно, – кивнула Аня. – Я же вам говорю, ваше сиятельство, им только деньги нужны. А я так хочу, чтобы Тимофей Григорьевич был жив. Пусть он не найдётся, так даже лучше! Но пусть будет жив и счастлив хоть где-нибудь.

– Генриетта Абелардовна уверяла нас, что у господина Аладушкина есть любовница, – сказал я. – А что вы об этом думаете?

Горничная замолчала и снова опустила глаза.

– Вы обещали нам помогать, – напомнил я.

– Есть, – тихо ответила Аня, – только я её никогда не видела.

– Тогда откуда вы о ней знаете? – поинтересовался я.

– Однажды Тимофею Григорьевичу принесли записку, и я видела, как он её читал, – сказала Аня. – У него было такое счастливое лицо.

– Может быть, записку прислали из Министерства? – предположил я.

– Что вы, ваше сиятельство, – возразила Аня, – с таким лицом служебные записки не читают. Потом Тимофей Григорьевич заметил, что я на него смотрю, и сразу спрятал записку в карман, а мне показал вот так.

Горничная приложила палец к губам.

– Он сразу же ушёл в свой кабинет, и оттуда запахло дымом.

– Он сжёг записку, – кивнул я. – Это понятно, но странно. Зачем отправлять записку, если можно просто послать зов?

– А может быть, эта женщина не умеет посылать зов? – сказала Аня. – Я вот не умею.

– Об этом я не подумал, – согласился я. – Вы можете рассказать что-нибудь ещё?

– Нет, – покачала головой девушка. – Больше я ничего не знаю.

– А согласитесь вы сделать кое-что ещё, чтобы помочь Тимофею Григорьевичу? – спросил я Анюту. – Я хочу, чтобы вы последили за госпожой Гюнтер и сообщили мне сразу же, если заметите что-то подозрительное.

– Нет, я не могу, ваше сиятельство, – Анюта вздрогнула всем телом. – Я её боюсь. И к тому же...

Она замялась и посмотрела на свои руки, которые теребили подол платья.

– В общем, я сегодня уволилась. Без Тимофея Григорьевича в этом доме невозможно оставаться. Мне очень страшно.

– Досадно, но я вас понимаю, – кивнул я. – И что же вы теперь будете делать?

– Завтра возьму выходной, – ответила девушка. – Я давно хотела, да всё никак не получалось.

Она устало улыбнулась.

– А потом начну искать новую работу. Я ведь всё умею – и убирать, и стирать, и готовить, даже шить могу.

– Саша, у меня есть идея, – вдруг сказала Лиза. – Если Анюта уволилась, значит, теперь господам Гюнтер нужна новая горничная. А что, если я устроюсь к ним?

– Ты? – изумился я.

– Ну да, – загорелась Лиза, – я ведь тоже всё умею. Пока я жила с мачехой, то была самой настоящей горничной.

– Идея хорошая, но мне она не очень нравится, – признался я. – Это может быть опасно.

– Даже не думайте, Елизавета Фёдоровна, – нахмурилась Прасковья Ивановна. – Александр Васильевич вас ни за что не пустит, да и я грудью встану, если понадобится. Незачем вам ходить в этот ужасный дом. Лучше я попробую. Завтра с утра и пойду.

– Давайте не будем торопиться, – остановил я Прасковью Ивановну. – Скорее всего, господа Гюнтер ничего не знают о том, куда пропал Тимофей Аладушкин, а нас интересует именно это. Поговорим завтра утром.

Я снова посмотрел на Анюту.

– Время позднее. Вам, наверное, нужно домой. Сейчас я вызову вам извозчика.

– Не нужно, ваше сиятельство, – запротестовала горничная, – я так добегу.

– И слушать ничего не хочу, – нахмурился я.

– Вас дома кто-нибудь ждёт? – спросила Лиза.

– Никто, ваше сиятельство, – ответила Анюта. – Я живу одна.

– Зовите меня Елизавета Фёдоровна, – улыбнулась Лиза, – и оставайтесь ночевать у нас. Свободная комната наверняка найдётся. Вдруг вы вспомните ещё что-нибудь важное? Тогда утром сразу сможете рассказать это Александру Васильевичу. Саша, ты же не возражаешь?

– Я-то не против, – удивился я. – Но сначала нужно посоветоваться с домом.

Я поднял взгляд к потолку и послал зов своему особняку.

– Что ты думаешь об этой девушке? Ничего, если она переночует у нас?

В ответ дом прислал мягкий импульс, похожий на порыв тёплого ветра. Он обошёл без слов, но я и без того всё отлично понял.

– Что ж, если ты согласен, тогда приготовь для Анюты комнату, – улыбнулся я.

А вслух сказал:

– Дом не возражает и даже рад. Анюта, оставайтесь до утра, а утром мы с вами снова поговорим. Комната для вас готова, надеюсь, вы вместе с Елизаветой Фёдоровной сумеете её отыскать.

– Конечно, сумеем, – рассмеялась Лиза и протянула Анюте руку. – Идём.

***

Не успели они выйти из кухни, как на ограде за окном снова зазвенели колокольчики. Затем внизу хлопнула дверь, и с лестницы потянуло холодным воздухом.

– А вот и Игнат, – подмигнул я Прасковье Ивановне и крикнул в лестничный проём, – Игнат, поднимайся сюда!

– Иду, Александр Васильевич, – ответил снизу Игнат.

На лестнице послышались тяжёлые шаги.

– Вижу, ты с обновкой, – обрадовался я, заметив в руках Игната длинный свёрток, – ну, показывай.

Ружьё было тщательно завернуто в мешковину и перевязано бечевкой.

– Сейчас, ваше сиятельство, – кивнул Игнат и положил свёрток на стол.

– Подожди, я хоть скатерть уберу, – покачала головой Прасковья Ивановна, собирая со стола посуду.

Игнат неторопливо развязал многочисленные узлы, а затем торжественно разматал мешковину.

– Вот, ваше сиятельство.

Я изумлённо смотрел на его покупку. Это была охотничья одностволка, и находилась она в самом ужасном состоянии. На стволе рыжели крапины ржавчины. Когда-то лакированное дерево приклада было вытерто до белизны. К тому же часть приклада откололась и была посажена на клей, а для надёжности примотана проволокой.

Я осторожно взял ружьё в руки, переломил его и заглянул в ствол. Внутренние стенки ствола покрывал многолетний пороховой нагар.

– Кажется, это ружьё видело ещё Крымскую войну, – улыбнулся я. – Где ты его достал?

– На Стеклянном рынке, ваше сиятельство, – спокойно ответил Игнат. – Вы не сомневайтесь. Ружьишко хоть и старенькое, но ему цены нет. Мне знающие люди подсказали.

– И что же в нём особенного? – удивился я.

– Заговорённое это ружьё, ваше сиятельство, – важно ответил Игнат. – Против любой нечисти и против снежных упырей тоже.

– Так-так, – покачал я головой, – и это тебе тоже сказали на Стеклянном рынке?

– Да, – как ни в чём не бывало, кивнул Игнат. – Хозяин сперва цену заломил, но я сторговался, так что денег хватило.

– И почему я не удивлён? – пробормотал я, но так, чтобы Игнат не слышал.

А Игнат с ребячьим восторгом разглядывал ружьё.

– Надо бы его пристрелять, ваше сиятельство. У меня и патроны есть. Вот.

Он выложил на стол несколько патронов с позеленевшими от времени капсюлями.

– Пристрелять можно, – с сомнением кивнул я. – Но сначала твоё оружие хорошо бы почистить.

– Облапошили тебя, Игнат, – сердито покачала головой Прасковья Ивановна, посмотрев на ружьё. – Продали тебе развалину. На Стеклянном рынке одни проходимцы, не знаешь, что ли?

– Не может быть, – заспорил Игнат. – Я знающих людей спрашивал, они врать не станут.

– Не спорьте, – улыбнулся я, – было бы из-за чего. Прасковья Ивановна, у вас найдутся мягкие тряпки и бутылка масла?

– Вы собираетесь хорошее масло на эту железку переводить, Александр Васильевич? – удивилась Прасковья Ивановна.

– Придётся, – улыбнулся я. – Хорошо бы достать настоящую ружейную смазку, но это потом. А сейчас обойдёмся обычным кухонным маслом.

– Вы мне покажете, как его чистить, ваше сиятельство? – встревожился Игнат. – А то я не умею.

– Обязательно покажу, – рассмеялся я. – Но в другой раз. А сейчас почищу сам, чтобы не терять времени.

– А куда стрелять будем, Александр Васильевич? – деловито спросил Игнат.

– Хороший вопрос, – кивнул я. – Вот что, опробуем ружьё в саду. Иди-ка в сад и слепи снеговика. Поставь его у задней стенки обсерватории, там, где нет окон.

– А зачем, ваше сиятельство? – удивился Игнат.

– Чтобы пуля далеко не улетела, – объяснил я.

Игнат спустился в сад, а я взялся за работу. Намочил тряпочку маслом и принялся оттирать пятна ржавчины на стволе. Затем прошёлся маслом по старому дереву, и оно заблестело.

– Развалится у вас эта игрушка от первого выстрела, – покачала головой Прасковья Ивановна. – Или разорвёт её.

– Не развалится, – улыбнулся я, пробуя пошатать ствол.

К моему удивлению, он не шатался, а крепко сидел в ружейном замке.

– О чём теперь говорить, Прасковья Ивановна? Деньги уже потеряны, и продавца мы, скорее всего, не найдём. Так зачем расстраивать Игната? Пусть верит, что купил заговорённое ружьё, если ему так спокойнее.

Я снова разобрал грозное оружие. Теперь предстояла самая ответственная операция – вычистить ствол изнутри.

Хорошо, что неведомый сердобольный продавец вместе с ружьём завернул в мешковину шомпол. Я намотал на него тряпку, обильно пропитанную маслом, и принялся проталкивать её сквозь канал ствола. Повторил так раз, другой, третий, каждый раз меняя тряпку, которая мгновенно пачкалась в пороховом нагаре.

После десятого раза тряпка осталась почти чистой.

Я посмотрел сквозь ствол на магическую лампу и довольно кивнул. Вычищенный ствол ярко блестел изнутри. Кое-где чернели раковины, но, на мой взгляд, они были не слишком большими.

– Вот и всё, – весело сказал я, собирая ружьё, – теперь можно стрелять по мишени.

***

Пока я возился с ружьём, Игнат успел слепить снеговика высотой в человеческий рост. На снежной голове набекрень сидело старое дырявое ведро, а вместо носа задорно торчала морковка.

– Ты когда-нибудь стрелял из ружья? – спросил я Игната.

– Не доводилось, ваше сиятельство, – честно признался слуга.

– Тогда слушай, – сказал я. – Широко расставь ноги, крепко упри приклад в плечо и постарайся, чтобы мушка совпала вот с этой планкой. Наводи ружьё на снеговика, а потом плавно тяни спусковой крючок. Понял? Попробуй сначала без патрона.

Игнат что-то ворчал себе под нос и неуклюже топтался в снегу, пытаясь приноровиться к ружью. Сверху раздавалось недовольное карканье. Я поднял голову и увидел на ветке старой берёзы взъерошенную ворону. Ворона, поворачивая голову, пристально наблюдала за нами.

– Ну что, готов? – спросил я Игната.

– Готов, ваше сиятельство.

Я вложил патрон в ствол, предварительно оттерев капсюль от зелени, и протянул ружьё Игнату.

– Целься, как я учил.

Игнат прицелился и нажал на спуск. Бахнуло так, что у меня зазвенело в ушах. Из ружейного ствола вырвался снап огня и облако сизого вонючего дыма. Пуля со свистом ударила в каменную стену обсерватории и отлетела, выбив длинную искру, а с берёзы рухнула вниз контуженная выстрелом ворона. Она неуклюже возилась в снегу, широко разевая клюв, затем опомнилась, завертела головой и полетела куда-то в сторону Невы, не переставая пронзительно каркать.

– Попал, ваше сиятельство? – глядя на меня круглыми глазами, спросил Игнат.

На всякий случай я забрал у него ружьё и сдвинул назад ползунок предохранителя, а потом пошёл к снеговика.

Снеговик оказался цел, и это очень расстроило Игната.

– Ничего, – с улыбкой подбодрил я его, – в башню ты всё-таки попал. Для первого раза это уже хорошо. Научишься ещё.

– Ну и ладно, – махнул рукой Игнат, – не попаду, так хоть грохотом напугаю этих проклятых упырей.

– Вот-вот, – рассмеялся я. – Ладно, забирай своё оружие и иди ужинать. Прасковья Ивановна тебя заждалась.

Глава 6

На рассвете меня разбудил дробный стук. Кто-то негромко, но очень настойчиво стучал в оконное стекло.

Я вылез из постели, набросил на себя халат и подошел к окну.

За окном, в сером зимнем сумраке, стремительно метались какие-то маленькие тени.

Вот одна из них спикировала на деревянный откос окна, и я с удивлением увидел, что это синица. Совершенно не боясь меня, она боком подпрыгнула к стеклу и весело забарабанила в него клювом.

Похоже, птица требовала, чтобы мы подсыпали семечек в кормушку, которую смастерил для них Фома.

– Потерпите, завтрак скоро будет, – рассмеялся я, прикрывая рот ладонью, чтобы не разбудить Лизу.

Кажется, птица меня поняла. Она строго сверкнула крохотным глазом, взмахнула крыльями и уселась на ветку старой вишни.

А я тихо оделся и вышел из спальни.

На кухне Прасковья Ивановна кормила Уголька. Она вытряхивала из глиняного горшочка рыбный паштет в чисто вымытую миску, а Уголек терся о ее ноги и громко урчал, как будто был самым обыкновенным домашним котом.

– Доброе утро, ваше сиятельство, – поздоровалась Прасковья Ивановна, когда я вошел в кухню.

– Доброе утро! – улыбнулся я.

И тут же заметил, что кухарка озабоченно хмурится.

– У нас что-то случилось, Прасковья Ивановна?

– Случилось, – вздохнула кухарка. – Уж не знаю, как вам и сказать, Александр Васильевич.

– Говорите прямо, – предложил я. – Мне уже начинать беспокоиться?

– Серебряные ложки из дома пропали, – буркнула кухарка. – Две штуки.

– Ну, это небольшая беда, – рассмеялся я. – Может, просто завалились куда-нибудь на кухне?

– Не могли они никуда завалиться, – покачало головой Прасковья Ивановна. – Это Игната ложки. Он их в нашем домике хранит, в комод. Вы разве про эти ложки не знаете, ваше сиятельство?

– Нет, – удивился я. – Расскажите, что это за особенная посуда и почему она так дорога Игнату?

– Ему покойные родители серебряный столовый набор подарили, когда он из деревни в город уезжал, – объяснила Прасковья Ивановна. – Больше-то у них ничего ценного не было, вот они и отдали сыну последнее. Дорогой набор, старинный. Там и серебряные ножи, и вилки, и ложки. Они хотели, чтобы Игнат этот набор в городе продал, а на вырученные деньги свое дело открыл, торговлей занялся. Но Игнат по другой дороге пошел, да вы знаете. Но родительский подарок сберег. И вот сегодня утром он пошел дорожки в саду чистить, а я решила серебро перед праздником в порядок привести. Открыла коробку, а двух ложек как не бывало. Не знаю, как теперь Игнату об этом сказать.

– Так, может быть, Игнат и взял ложки? – предположил я.

Но Прасковья Ивановна энергично замотала головой.

– Что вы, ваше сиятельство! Игнат их даже по праздникам из коробки не достает. Он их столько лет берег. И сберег все до единой.

– Так куда же они могли деться? – удивился я.

– Не знаю, – сердито вздохнула Прасковья Ивановна и отвела взгляд в сторону.

Магический дар чутко шевельнулся в моей груди. Я почувствовал, что кухарка что-то недоговаривает.

– Прасковья Ивановна, вы кого-то подозреваете? – нахмурился я. – Мы здесь одни, нас никто не слышит, так что давайте начистоту.

– Напраслину на своих не хочется возводить, – поворчала Прасковья Ивановна. – Но посудите сами, ваше сиятельство, кто мог их взять? Уж точно не вы и не Елизавета Федоровна. Игнат не брал, я тоже к ним не прикасалась. Так кто остается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.